

Валерий Гришковец

Соборная площадь



Валерий Гришковец

Соборная площадь

«Издательские решения»

Гришковец В.

Соборная площадь / В. Гришковец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930662-3

«Соборная площадь» — книга избранных произведений Валерия Гришковца. В нее вошли стихи разных лет, а также статьи автора о поэтах, книгах, словом всех тех, кто в разное время влиял на мировоззрение Валерия Гришковца, как поэта, литератора и человека.

ISBN 978-5-44-930662-3

© Гришковец В.
© Издательские решения

Содержание

Соборная площадь	6
Слезы вымысла – эхо судьбы?..	7
«Время отправления» 1981	9
«Круг аистиный» 1991	17
«Белые мосты» 2004	58
«Я из тех...» 2012	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Соборная площадь

Валерий Гришковец

© Валерий Гришковец, 2018

ISBN 978-5-4493-0662-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Соборная площадь



Слезы вымысла – эхо судьбы?..

Первые стихи... Они пришли в непорочную душу девятилетнего пацана, когда рабочая окраина провинциального городка тонула в чистом полесском снегу, набивавшемся под самые стрехи невысоких пролетарских жилищ. Белый снег детства и черные булочки «оттепельных» зим. Всегда, даже только с прилавка, выпеченные в виде (замерзшей) птахи с угольком изюминки на кончике смешно обрубленного носа-клюва. Эти булочки-птахи впечатлительный шалопай заедал снегом – сводило зубы, бурчало в животе – и летел по накатанной грузовиками проезжей части неглавной улицы Пинска на одном коньке-«снегуренке», намертво пригнанном ремешком из свиной кожи к валенку. Чем еще мог порадовать тебя батька, за семьдесят рублей «новыми» тягавший вагонетки со шпоном на самом крупном предприятии города – фанерно-спичечной фабрике («фанерке»), что три раза в сутки будоражила округу нудным, тяжелым и колючим как наждак гудком...

Но кто сжалился над тобой – дал свободно догулять детство? Ты вдруг бросил карандаш и бумагу, и, пряча за пазухой кеды (от матери), бежишь в спортзал ДСШ (детской спортивной школы) – бывшей главной синагоги Пинска – в секцию бокса. Разве без секции мало доставалось тебе «по роже», раз-по-раз выходя «один на один» со сверстниками, но чаще с пацанами постарше к школьной уборной – подальше с глаз всё видящих и знающих училок. Из-за девчонок? Как ты влюблялся... Нет, читал бы умные книжки, а то: «...в зеленый вечер под окном на рукаве своем повешусь...» И хриплый голос «блатаря» Высоцкого с магнитофона под чужим окном. И первые двойки. И первое... вино, купленное на деньги, что выдал тебе с друзьями какой-то скрюченный мокрогубый очкарик за дрова, стянутые с «фанерки». Как в то лето гоняли вы в плывь бревна по Пине, пряча их небольшими штабелями в кустах на том, загородном берегу...

Первая любовь... Первая печаль... Первое вино... Первая беда...

Стихи, стихи...

И первые гонорары. Тебе, восьмикласснику, кривясь («не имею права без паспорта») выдает их «почтовая тётка» все на той же рабочей окраине, раздавшейся вширь и потянувшейся «хрущобами» к солнцу...

Почему ты бросил школу, едва получив такой долгожданный паспорт?.. Двойки пугали? А может, захотелось иметь «свои» деньги, ведь ходил уже вовсю на танцы-«гопанки» с окрестной шпаной? И опять же – вино... А может, недоставало «свободы»? Ах, эта свобода!.. Но завод, вечерняя школа... И вдруг – о, это твое «вдруг» – ты, оглядываясь на темные окна уже не твоей школы, пошёл на вокзал, взял билет: «в Симферополь!» и, ни кого не предупредив, кроме лучшего друга, укатил в Крым. Первая встреча с морем...

Стихи, стихи...

И бегство обратно, домой. Никуда не берут на работу. Мать изводится, – что делать?.. И любовь. Свидания в зимнем, парящем над мирозданием парке... Но тебя призывают в армию. Слава Богу, тебя призывают в армию! Ну что тебе, вечно лятящему и битому, кирзачи и портянки, ледяная стужа и пыльная сушь Семиречья?.. Все, все по плечу, но... письмо от той, что так любишь, из-за которой некогда даже подумать о матери... Письмо, после него уже – ни сна, ни покоя, ни света... На отдаленном посту чуть было не нажал на курок «калашникова», заглянув перед тем в мертвый зрачок ствола...

Стихи, стихи...

«Над вымыслом слезами обольюсь...», «Подтвердить строку судьбой...». Судьба, судьба... «Любовь, печаль, разлука, дороги синий дым...» Вымысел – судьба?.. Судьба – вымысел?..

Стихи, стихи...

1995

«Время отправления» 1981

Кто-то собирается в дорогу,
Кто-то в дверь стучится, воротясь...
Что зовет нас вечно от порога,
Что волнует бесконечно нас?

Молодость или познаний жажда,
Может быть, вокзалов суета?
Только если выехал однажды, —
Значит, ты сорвался навсегда!

И ничто уже не остановит:
Как же так, на полпути застрять?
Это значило б на полуслове
Молодости песню оборвать.

А без песни мы шагать не сможем,
Молодость – дорога сквозь грозу.
И летит над сонным бездорожьем
Ветер, вышибающий слезу!

Я знаю: крыши пахнут небом,
Дождями, солнцем и зарей,
Как полем пахнет корка хлеба,
Как сталь блестящая – рудой.

А строки песен пахнут ветром,
Дорогой, рожью, тишиной,
Густым туманом предрассветным,
Соляжкой пахнут и смолой.

В словах шумят колосья мудро,
Рассветы будят петухи,
И осыпает звезды утро
В мои нехитрые стихи.

Твоих окон темные страницы
До утра я, как школяр, читал —
Все боялся, чтоб не ошибиться,
И ответа с нетерпеньем ждал.
...В полночь переулками глухими
Я, влюбленный, молча брел домой,
И писал игриво твое имя
Звездопад весенний над землей.

В который раз на родине моей
В садах налился сладким соком август,
И длинноногий белокрылый аист
Вброд переходит, не спеша, ручей.

В который раз, когда спадет жара,
Луна в пруды глядит – не наглядится,
И в тишине идут воды напиться
Росистой тропкой лоси по утрам.

В который раз ей говорю: «Люблю...»
И снова возвращаюсь к первой песне,
Где живы люди и земля Полесья,
С которыми все поровну делю.

Радость – последние астры
Тихо мерцают в окне.
Это – предвестие счастья? —
Нет... Нет... Нет...
Счастье – улыбка любимой.
Счастье – дорога в весну.
Горечью желтой, полынной
Все листопад зачеркнул.
Все разметала вьюга,
Видно, такая судьба...
Если теряешь друга,
Значит, теряешь себя.
Как и куда мне прибиться,
Будто весло уронил.
Счастье – пролетная птица,
Что удержать нету сил.
Помни же, друг мой, свято
Жизни простой обет:
«Платим за радость утратой —
Радости легкой нет».

В МИНУТУ ОТКРОВЕНИЯ

Обо мне уж так судачили-рядили,
Меня хаяли, чернили и рябили.
Но меня еще за что-то и любили,
И такие, знаю, тоже люди были.
Вдруг уеду я, потом приеду.
По зиме вдруг загрузу, а то по лету.
Наплевал давно на суды-пересуды —
Счастья мало от того, что бьют посуду...
И меня когда-то били – не убили.

...Вот такие, братцы, были со мной были.

У меня две матери,
Первая,
мама Мария,
Кормила меня грудью,
Качая на нежных жилистых руках.
А когда я сплавлял плоты,
Меня качала
вторая мама
На синих руках Припяти и Пины.
Я любил ее,
как родную,
Называя гордо и мужественно —
Мать – земля родная!

Синяя полночь. И белые звезды.
Снег голубой под ногами скрипит.
– Поздно, ты слышишь? Уже слишком поздно —
Мысль эта голову тупо сверлит.
И спотыкаясь, на насыпь взбираюсь.
К станции ближней бегу через лес.
Поздно?.. Да нет же, я не опоздаю!
Но что же толкнуло меня в этот рейс?
Поиск? Отчаянье? Жизнь на пределе?
К черту! – Покоя я с детства не знал.
Сводит дыханье. Тянусь еле-еле.
Где ты, надежды и веры вокзал?!
...Близкий гудок. И далекие звезды.
Голые руки о поручни жгу.
Дверь – нараспашку! Не поздно. Не поздно!
Злится кондуктор... Колеса бегут...

Медовый месяц август...
Как быстро он прошел...
Жди – в мае будет аист,
Все будет хорошо.
В окошко, будто в прорубь,
Прорубленную в ночь,
Вкатился вихрем голубь!
...Ах, если б это вновь...
И яблоки, и звезды
На ветке за окном,
И в горнице был воздух,
Как жбан с густым вином.
...Разлука... Письма... Горечь

Утри с порочных губ.
Ни радости, ни горя
Уже не берегу.
...Был сладкий месяц август.
Теперь – лишь боль в груди...
А где желанный аист?
Наверное, твой адрес
Он потерял в пути...

Освищенный гудками полустанок
На голубой обветренной версте,
Где, примостясь на пухлых чемоданах,
Девчонка улыбается во сне.

Распахнуты навстречу солнцу двери,
В них льются ветры южные легко.
...Я просыпаюсь утром и не верю,
Что так уже уехал далеко.

От той улыбки, от огней далеких,
От юных, необузданных ветров.
Бегут меридианами дороги,
Сводя людей и разлучая вновь.

Мы выросли, ведь поезд жизни едет.
Ты ничего не знаешь обо мне.
А мне тебя порой так надо встретить
С улыбкой детской, как тогда, во сне...

Зачем же ты снова приходишь
На берег безмолвной реки,
Где, мимо плывя, теплоходы
Роняют прощально гудки;
И где по-над плесами пляшет
Дымок от чужого огня,
Где только пустынные пляжи
Тепло нашей встречи хранят?..

Деревья первым снегом зацвели,
Деревья людям высветлили души.
И будто в зеркала, забыв про лужи,
Глядятся в окна светлые мои.

...Деревья первым снегом зацвели.
В беретах новых – крыши и скворечни.
И кажется, так было, есть и вечно,

И вечно будет на холмах земли!..

Помню:

Мать стелила на соломе
И она струилась, как лучи, из рук.
Говорила мама:
– В отчем доме
И солома мягче, чем в неволе пух...

Побереги меня от неудач,
Решимости придай в пути нелегком,
Девчонка, что со мной гоняла мяч
По вечерам за пыльным перекрестком.
Где ты сейчас? И помнишь ли тот май?
Ах, сколько златокрылых листопадов,
Как будто стужею гонимых стай,
Спустилось тихо на дорожки сада.
А ты бежишь... Вокруг звенит весна!
Мне за тобой, я знаю, не угнаться...
В пустом вагоне дремлет тишина,
И слышно, как колеса в ночь стучатся.
Побереги меня, побудь со мной
И над моей серьезностью посмейся.
Глухая степь. В вагонное окно
Глядит, в дугу скрутившись, месяц.

ПО ТРЕВОГЕ

Прогнулся ковш Медведицы от снега,
И, кажется, лишь ветер поднажмет —
Вдруг покачнется над землею небо
И на головы ковш перевернет.

Но небо не качается. И звезды
Гвоздями вбиты в пасмурную смоль.
Бежим... А в горле – комом сжатый воздух,
И выступает под шинелью соль.

А встречный ветер, северный и колкий,
Шатает, бьет в лицо и валит с ног,
Но мы – солдаты. Есть приказ и только
Под сапогами сыплется песок!..

А где-то вновь по горному ущелью
Спешит рассвет в долину голубой, —
Тревога в эту ночь была учебной,
Но мы всегда готовы к боевой!

Мне снилось: на родине – утро,
Дождинки стучат по стеклу,
И старенький наш репродуктор
Бурчит что-то тихо в углу.
И так мне легко и спокойно,
Как будто я вовсе не жил
На грешной земле, той, где войны
Запомнил навек старожил.
Мне снилось: открытые двери
В весенний раскидистый сад,
Где, кажется, в небе деревья
Над ливнем веселым летят!
Мне снилось: дорогою к дому
Мы с мамой счастливо идем.
Мне снилось... Но окрик знакомый
Летит по казарме:
«Подъем!»

А если честно, ты была права,
Когда меня по городу водила,
Когда мне, бестолковому, твердила,
Что мир прекрасен – в нем течет Нева.
И Летний сад в печальном сентябре,
Листву с ветвей устало отряхая,
Пронизан солнцем, как в начале мая
Боры в моем Полесье на заре.
Но, как рывок огня из темноты,
Скалой свалилась на сердце разлука.
И, как твои в прощальном взмахе руки,
Над городом – до самых звезд – мосты.
И снова «бьют копытом» поезда,
Пыхтят от нетерпенья тепловозы!
И вот уже на струнах рельс колеса
Поют разлуки песню. Темнота...
А где-то там, в дыхании листвы,
Проходишь ты по берегам гранитным,
И снова расстоянья и границы
Разводят между нами мост любви.

Есть что-то от ранней весны
В повадках у осени поздней:
Все так же закаты красны,
Все та же зеленая озимь.

И так же деревья грустят
По первому, теплomu снегу,

Как ранней весной не спят
В предчувствии нежных побегов.

Такой же знобящий, сырой
И гулкий, как колокол, воздух.
И так же, как ранней весной,
Ветра обживают в гнездах.

...А ночью холодный туман
До самых костей пробирает.
И сразу поверишь: зима
Ключи к ноябрю подбирает.

Опять в последних числах сентября,
Когда сплетает ветер паутину
И напоит притихшие рябины
Пунцовым соком поздняя заря,
Я буду долго думать о тебе,
Вернусь к любви далекому истоку,
И сердце повторит невольно строки,
Написанные в прошлом сентябре.

ОКТАБРЬСКИЕ СТИХИ

Год постарел: ему – десятый месяц,
И на висках деревьев седина.
А я опять брожу с утра не весел, —
За тридцать земель ушла весна.
Мне двадцать два. Но я душой ребенок:
Не принимаю подлости и зла.
Проснусь. И все мне кажется спросонок:
Учительница к матери пришла.
Она ей скажет, что вчера с уроков
На стадион с дружками я сбежал,
Что в переменку прыгали из окон —
Подумать! – со второго этажа...
Обидно за меня, я знаю, маме.
Несдобровать мне в этот черный день, —
Придет отец с работы и достанет
Горячий, как огонь в печи, ремень.
Ах!.. Что же, чего вдруг нос повесил? —
Как детство, я ремень тот потерял...
Год постарел: ему – десятый месяц.
Мне – двадцать два дождливых октября.

Со мной не раз такое было:

Глухая ночь, пустой перрон,
И рядом птаха голосила,
Забившись в брошенный вагон.
Кого я ждал? Чего хотел я?
Какой бедой сюда попал?..
Дрожало зябнущее тело.
Дыханьем руки согревал.
Под утро в ближний шел поселок,
Хлебал в столовке жадно щи.
Я был тогда чертовски молод!..
И одинок, хоть закричи...
Потом в прокуренной каптерке
Я документы оформлял.
Курил с амбалами махорку,
Мешки тяжелые таскал...
А через месяц вновь срывался,
Встречал на родине зиму.
Но где вот с юностью расстался? —
Я до сих пор все не пойму.

Устанешь ждать,
Надеяться устанешь.
Погасишь свет,
Присядешь у окна...
А ночью снег
На улице растает
И закричат в саду скворцы:
Весна!..

«Круг аистиный» 1991

ГОЛУБЯТНЯ

Голубятня, крашенная в колер
Утренних распахнутых небес,
Подалась одним оконцем в поле,
А другим – на загородный лес.

В телогрейках, рыцари окраин,
Короли окрестных пыльных крыш,
Вырастали мы веселой стаей
Под салют свистящих в небо крыл!

И бывало, посреди урока
Из-под парт, вихрастою весной,
Под испуг, растерянность и хохот
Вылетали голуби в окно!

Проглотив обед, портфель закинув,
И по шаткой лестнице – наверх,
Где уже друзей мелькали спины,
Ну а дальше – птицы в синеве!

Улетели, растворились в далях,
Не вернуть обратно сизарей...
И как будто облака привяли,
Да и небо – ниже и бледней.

Не узнать окраину былую,
Нет в помине пыльных чердаков.
Но опять весной вдруг заворкует
Под окошком пара голубков!

А внизу, исполнена порыва,
Словно песня – сквозь беду навзрыд! —
Средь бетонно-блочного массива
Голубятня синяя парит...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Из детства
Все на этом свете преходяще:
Нет отца и дома больше нет,
Где искусно мастерил он ящик,
Подмигнув: – Для писем и газет.

– Кто же нам пришлет письмо с печататью:
Вся родня, лишь кликни – и придет?
Батька шурит глаз: – Однополчане,
Вспомнит кто, да и словцо черкнет...

41-й ГОД

Упадет в бою неравном,
Оглянувшись на восток,
Нецелованный, кудрявый,
Русый русский паренек.

На губах, аляя нежно,
Запечется – нет! – не кровь:
Имя матери – Надежда.
Имя девушки – Любовь.

Порой ударит память дверью,
И с донца самого встает
В ветвях растрепанных деревьев
Церквушка. Пасха. Крестный ход.

Толпы испуганный невольник,
За бабкой трепетно иду.
А в небе стонет колокольня —
Ну, точно, словно на беду!..

Размыты пашни и дороги.
Вода весенняя окрест.
И сводит судорога ноги —
На цыпочках целую крест.

Птенец, дитя, пострел зеленый,
Какой ты грех на душу взял,
Что так устами воспаленно
К кресту холодному припал?!

Весна скворцу полощет горло.
Идет к концу учебный год.
Курьезы денежной реформы.
Полесье. Пасха. Крестный ход.

И чего только не было в жизни:
Полз, как червь, я, как птица, летел!
Ни упрека ей, ни укоризны.
А горел-то как, братцы, горел...

До кровавых – на сердце – мозолей
Я любил, хоть и не был любим.
Уходила жена – не неволил:
Дай Бог счастья в пути ей с другим!

Всё как встарь: и раздолье, и воля,
Даже небо не стало бледней.
Но как ветер с горящего поля,
Среди ночи вдруг – память о ней!

Ну и было бы горя? Да вот же
Закружило, несло напрямик...
Степи. Горы. Тайга. Бездорожье.
Полустанки. Разъезды. Тупик.

О, тропа отлученного волка —
Бег тяжел и тревожен закат.
И случайная встреча. И водка.
И угрюмый напарника взгляд.

Да, чего только не было в жизни:
Полз, как червь, я, как птица, летел!
Ни упрека ей, ни укоризны —
Лишь обидно: до срока сгорел...

Весна. Конец апреля. Утро. Солнце.
Хотя и стар – еще силен отец,
Гремит ведром, склонившись над колодезцем,
И громко пьет. Каков же молодец!

В деревне мы. В его родной деревне.
Как дышит батька, небо и земля!..
Стоит в саду и слушает деревья,
И долго-долго смотрит на поля...

Идем к погосту. Вечная дорога!
Кольнуло что-то непривычно грудь.
Мне двадцать лет!.. И далеко-далёко
До рощи, что синеет на юру...

А батька молчалив, сосредоточен:
Его деревня там уже. Да, там...
Он знает: мимо этих вот обочин
В последний раз проедет скоро сам.

Ну а пока – туда нам и обратно!
И мы о жизни разговор ведем.
Пришли. И батька смотрит виновато

С погоста на деревню за бугром.

Топится банька по-черному
В дальнем закуте двора.
Ловко старуха проворня
Колет сырые дрова.

Дым, будто весть – над деревнею.
Глушь да замшелая тишь.
Древняя, как воскресение.
Молодость не воскресишь.

Все повторяется: праздники,
Будни. И тает свеча.
Только вот, реже все – праздники,
Только все чаще – печаль.

Все приедается, небо лишь,
Хлеб да в кринице вода,
Где бы и кем бы мы не были,
Неповторимы всегда.

Где же вы, дочки, где, внуки,
Где же вы, где, сыновья?..
Матери хворые руки
Тяжкая давит бадья.

Топится, топится банька.
Дым, будто память, горчит.
Видно, в последний раз батька
Дверью знакомой скрипит...

ПАМЯТИ ОТЦА

Над родиной грустной, над родиной милой
Взовьются и светом ударят снега!..
Деревья отступят – проступят могилы.
И дали отступят – проступят стога.
И дым над деревней потянется к небу.
И утром колодцы ледком прозвенят.
И первому снегу, как первому хлебу,
Там, в детстве далеком, старик будет рад.

Кепку в раздумье помну.
Сяду в тиши на скаемейке.
И, бесшабашный, пойму:
Жить я совсем не умею...

Время авансов прошло,
Желтое время поблажек.
Жизнь – это, брат, ремесло,
Что не прощает промашек.

Памяти бабушки моей,
вечной труженицы В. С. Новак

Бью челом я тебе,
свет Варвара Семеновна,
Из сосновой избы
ты под сосны ушла.
Как там спится тебе
под широкими кронами,
В жизни горькой своей
Вдосталь ты не спала.
То война, то беда,
суп – похлебка с крапивою.
Горе шло по земле —
отнимало детей.

Ты молилась,
прося у небес справедливости,
Ты трудилась,
не зная ни дней, ни ночей...
По лугам да полям,
по стерне да репейникам
То с косой, то с серпом —
вдовья злая судьба.
В жизни горькой своей
все снесла, все стерпела ты
И растила внучат —
не жалела себя...
То одной, то другою
войной опаленная,
Жизнь твоя —
голод, холод, колхоз и погост.
Бьючелом я тебе,
свет Варвара Семеновна,
Дай-то Бог,
чтоб хоть там тебе сладко спалось...

ОГОНЬ

Я помню,
Как бабушка,
Разведя огонь в печи,

Быстрым движением крестила легкое пламя.

Верил ли я тогда в Бога?..

Верил:

Богом для меня был огонь.

И бабушка,

Осенив его крестным знамением,

Просила,

Чтобы он был добрым, —

Согрел избу

и сварил в чугушке бульбу.

А когда я однажды

Плюнул в красный родничок огня

И с детским любопытством

Слушал загадочное шипенье,

Шершавая,

В буграх мозолей ладонь

Больно обожгла мою щеку.

– Огонь, —

Сказала бабушка, —

Маленький и красивый, как цветок

(Я знал его только таким),

Бывает большим и злым,

Похожим на лютого,

Багрового от злости

Зверя,

Который пожирает дома и деревья

И рычит,

Страшно и с громким треском...

...С тех пор

Множество закатов

Оромными кострами

сгорело над погостом,

Над почерневшим крестом,

Похожим на бабушкины руки,

Простертые к небу.

Но никогда большн

Я не плевал в огонь...

И не потому,

Что боялся разгневать его.

Нет!

Я от всей души благодарен ему:

За тепло и уют в доме,

За горячий суп на столе,

Что добрые,

Как у бабушки,

Руки матери ставят передо мной.

И если бы
Я был скульптором,
Я бы изваял памятник Добру и Теплу —
Алый порыв огня.

Хоронили бабушку,
Так и не отмыв добела ее большие руки.
Изрезанные бурными бороздами морщин,
Они лежали —
крест-накрест —
на белом фартуке,
Сшитом ею когда-то.

Над только что вспаханным полем
С криком носились вороны
И кружился легкий мартовский снег.
Я смотрел на бабушкины руки
И думал:
Как они похожи на это поле...
Поле ее детства,
поле ее молодости,
поле ее жизни.

Как и принято в деревне,
Хоронили бабушку всей деревней.
Говорили о жизни и смерти,
Что жизнь прожить —
не поле перейти...
А еще —
про бабушкины руки
И про это весеннее поле,
Которое бабушка исходила вдоль и поперек
И совсем не думала его пройти,
Потому что это поле – было ее жизнью,
А бабушкины руки – золотыми,
Потому что она всю жизнь,
От зари до зари
Лелеяла это поле своими руками,
Чтобы оно звенело
золотой песней колосьев...

И большие бабушкины руки,
Так похожие на это припорошенное поле,
Плыли над похоронной процессией,
Прощаясь с солнцем
в молодой синеве
весеннего неба.

Прощаясь с родным полем,
Чтобы уйти в него
и слиться с ним
Навсегда.

Я хорошо помню
Свой первый рабочий день:
С утра и до обеда,
С обеда
и до конца смены
Я вывозил на свалку
стружки и опилки —
Работал подсобником в столярном цехе.
В этом же цехе
работал мой отец.
И однажды
я случайно услышал,
Как начальника цеха
сказал ему:
– Смышленный парень,
но звезд с неба
Хватать не будет...
Но как-то ночью
Я шел со второй смены,
Гремя большими
отцовскими сапогами
По мокрому асфальту.
И прямо под ногами,
в темных лужицах,
Сверкая и разлетаясь в стороны,
Сияли огромные звезды...
И вдруг
сами собой
Родились строки:

Я был не из первых, но не был
Дешевкою и подлецом.
И звезд фиолетовых с неба
Хватать не хочу. И с концом!
Зачем их хватать, если просто
Сверкают они у сапог?
Большие, как яблоки, звезды
Летят на асфальт из-под ног.

Утром
Эти строки
я прочитал отцу.
Он помолчал,

Потом
совсем неожиданно спросил:
– А в школу вечернюю
ходишь?..

Здесь апрель не звенит журавлями,
Снег на сопках до лета лежит
И в холодных лучах вечерами
Сквозь густеющий сумрак блестит.

И насколько глазами окинешь,
Степь да степь с желтой дымкой вдали,
Будто нету лесов и в помине
На бескрайних просторах земли.

Но сквозные каленые ветры
Вдруг плеснут прямо в душу весной
На далеком степном километре,
В стороне необжитой, чужой.

Снова вспомнишь о доме, о маме
И, конечно, немного взгрустнешь —
Где-то небо звенит журавлями,
Где-то пахнет березами дождь...

Советская Армия, 1974

Лайме – по-литовски счастье.
По листве приснеженной шуршу.
Стукнет дверь. Едва промолвлю: «Здравствуй!»
И язык, волнуясь, прикушу.

Удивиться милая литовка.
Ничего, как видно, не поймет.
Чай согреет. Улыбнется только.
И поставит – в полных сотах – мед.

Сладкий чай. Несладкое свиданье.
На крыльце расстанемся впотьмах.
И, как мед, хмельное слово «лайме»
Долго будет таять на губах...

ПРОЩАНИЕ С ЛИТВОЙ

Уеду. Останется небо
С тоской горизонта вдали,
Да чувство, как будто здесь не был,
Да горечь неясной любви.

Та вечная, смутная горечь,
Ее и года не сотрут.
И море, бессонное море —
Как будто тетрадь на ветру...

Выбегала на крыльцо —
От обиды жгло лицо!

И вещала зло с крыльца:
– Ненавижу подлеца!..

А потом в обнимку шла.
Жгли ботву. Сирень цвела.
Девять дочек родила!

Сад старел. И дом ветшал.
Да не старилась душа!..

Встретились – холод по коже,
В горле – соленый комок!
Может быть, просто похожий?..
Как же – кровинка, сынок...

Было ли? Не было?.. Было!
То-то, стоишь не дыша...
Сладостно водка кружила —
Руки поныне дрожат.

Кто ты? Завкафедрой? Дворник?
Боже мой, сукин ты скот!
Мимо – простой посторонний —
Сын твой родимый идет...

Скулы обида воротит,
Сердце сорвалось: «Прости!»
В небо метнулись вороны.
Эхо картаво свистит...

Сладко спится под осенний дождик
На литовской станции лесной.
В изголовье саквояж положен
Да богатый опыт кочевой.
Не буди нас, постовой Будинас,
Выспимся – уедем навсегда.
Как свели, так разведут пути нас.
Пусть поют ночные поезда!

Отмахала жизнь за середину,
Размотался – не смотреть клубок:
Не видать уж, взгляд куда ни кину,
Ни начала, ни конца дорого.
Как там было?..
Не юлил, не спился,
Честно подставлял всегда плечо.
Как там будет?..
Хоть спокойно спиться,
Но стучится сердце горячо!

Мне снился сон, где был я стариком —
Иду, и мне дорогу уступают,
И уступают место мне в трамвае.
Мне снился сон, где был я стариком...

Мне снился сон, где был я стариком...
Меня с восторгом дети обступают,
Они смеются, тешатся, играют.
Мне снился сон, где был я стариком...

Мне снился сон, где был я стариком —
Я одинок. И близких нет в помине,
Всё оттого, что не смирил гордыни.
Мне снился сон, где был я стариком...

Мне снился сон, где был я стариком —
Я умираю. Двери нараспашку, —
Но кто наденет чистую рубашку?!
...Мне снился сон, где был я стариком.

Не вышел ни статью, ни родом.
Упрямец, ослушник, чудаки,
Куда ты?.. Но ветер свободы
Полощет над городом флаг.

В дорогу? Ну что же, в дорогу!
Ах, как необъятна страна...
В работе не знаешь упрека —
Гудит, как дорога, спина.

В бараке однажды проснешься,
К ручью припадешь второпях,
И будто водой обожжешься, —
В себе вдруг увидишь себя.

Не в силах смотреть и не в силах

Глаза от себя отвести,
Как будто у края могилы
Стоишь и не можешь уйти.

Ну что же ты, что ты робеешь:
Неужто себя не узнал?!
Стареешь? Конечно, стареешь.
Да главное – лишним не стал.

Плевать, что ни статью, ни родом
Не вышел. В конце-то концов
Не пасынком был у народа —
Одним из надежных сынов.

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Я стучусь, а мне не открывают.
Уезжаю – мне приветы шлют.
Почему я их не понимаю?
И когда они меня поймут?

Снова я приеду в этот город,
Постучусь в заветное окно.
Распахнет старуха дверь, которой
Не касался я давным-давно.

Скажет бабка: – Вера улетела,
А Надежде делать нечего с тобой.
– Ну так что ж, – скажу, – такое дело:
Я согласен на одну Любовь!

А в ответ старуха: – Шутки плохи,
Для таких любовь – что в сердце нож!
Уноси-ка лучше, милый, ноги,
Грешен ты от шапки до калош.

Навсегда покину их обитель
И уеду к матери грустить.
Никого я в жизни не обидел,
Видно, просто не умею жить...

Чернеют рельсы в снежном поле.
Далекий поезд. Тишина.
И воля сердцу, и раздолье,
Но хоть разбейся – жизнь одна.

И веришь в счастье, как в заклатье.
И знаешь: годы – колесом.

А поезд катит, катит, катит
Куда-то вдаль, за окомем...

РАЗДУМЬЕ НА СТАРОМ ПОГОСТЕ

Здесь тополь прижался к березе,
Здесь слабый и сильный на «ты».
Как вечная скорбь, на погосте —
Воздетые к небу кресты.

А может, хотел кто-то небо
С землею при жизни сложить,
Да так и не смог, вместо склепа
Велев себе крест сколотить?

На ветреный яр, за селенье,
Несли его братья гурьбой.
Поставили крест – знак сложенья
Меж небом и тихой землей.

С тех пор он стоит в чистом поле,
Хоть годы, хоть грозы прошли...
И небо за синью околиц
С землею сравнялось вдали.

Занавешена дорога снегом,
Память окликают поезда.
Дайте надышаться сердцу небом,
Этим небом вечным! Навсегда.

Дайте вдох предзимнего покоя,
Пусть течет неспешный снегопад
Надо мной, над вами, над землею,
Над тоской кладбищенских оград...

И понятней станет, и дороже
И земля, и люди на земле
В этот час, на этой вот дороге,
В двух шагах от осени к зиме.

И снова – таежная осень,
Смещение красок и дней,
И тянет, и хочется очень
Идти до рассветных огней.
Но что тут поделывать? – Работа!
Буксуя, ревет грузовик,
Высоко, над марью болота —
Гусей пролетающих крик.

Сижу под намокшим брезентом.
Дышу молодым сентябрем,
Любуюсь огромным рассветом —
Багряное на голубом.
Я отдал за эти минуты
Полжизни бродячей своей,
Ночуя в холодных каютах,
На теплых перинах степей.
А счастлив? Конечно же, счастлив
За то лишь, что выпало мне
Быть к чуду рассвета причастным
В таежной глухой стороне.

Ну вот и встретился с Байкалом!
Поклон тебе от светлых вод
Земли, что столько горя знала,
В кровавых войнах полыхала,
Но не сдавалась, хоть стонала —
Пахала, сеяла, рожала.
Там добр и мужествен народ.

Стою на пристани дощатой.
Туристы весело галдят.
А мне за хмарью лиловатой
Вдруг показалось: из заката
Глаза Вампилова глядят;
Босой Шукшин березку гладит,
И утопает все в закате...

Я мало прожил. Много видел.
Я столько перенес обид,
Что сердце – больше ненавидит,
Хотя его удел – любить.

И я не ангел. Что поделать?
Я столько намутил воды
По делу, а порой без дела,
Что сердце жаждет чистоты!

Да, мало прожил. Но осталось
Уж и того поменьше мне.
Ах, если б знал ты, как шагалось,
Как пелось там, на зорьке дней!..

Да, я не ангел. Вместо крыльев —
В мозолях руки и рубцах.
Они в тайге на стройках стыли,
Они любили и рубили,

Они добры, а если били,
То значит: не запросто так.

Я здесь не гость. Как, впрочем, всюду.
И путь нелегкий выбран мной.
Я честным был. И честным буду.
Но перед лихом и бедой
Ты сотвори простое чудо,
Ты освяти своей водой.

На Байкале осень золотая,
Золотая осень и покой.
И душа наивно молодая,
Жаль вот – сам не шибко молодой.

Да и то накуролесил столько,
Что ни Бог, ни черт не разберет...
Зачастую не держался стойко,
Сам страдал и близких не берег.

Что с того, что волен, будто птица,
Если больше некуда лететь?..
Мне с пути совсем не страшно сбиться,
Страшно песню главную не спеть.

Ну, а осень листья разметала,
Захлебнулись дали синевой.
Золотая осень на Байкале,
На Байкале – осень и покой.

А душа все также молодая,
Жаль вот – сам не шибко молодой...

Пустынное, зыбкое небо.
Безлюдный поселок. Вокзал.
И тучи, ломаясь от снега,
Ползут за штормящий Байкал.

Последняя песня допета.
Получен нещедрый расчет.
На лето составлена смета.
Ну что же, зима, твой черед.

Пуржи, заметай без оглядки, —
Что было – тому не бывать.
И если в душе неполадки,
На время не надо пенять.

В холодные дали влюбленный,
Маршрут свой не сменишь вовек:
На крышах транзитных вагонов
Белеет заманчиво снег...

На краю у неба и земли,
На краю у славы и молвы
Покидал он берег твой, Илим,
Шапку сняв с беспутной головы.

Города и годы – под откос!
Имена и лица стерты в пыль.
Гул турбин и перестук колес —
В сказку превратившаяся быль.

Минет час – все заново начнет.
И его опять же не поймут...
Да и сам себя он не поймет.
Жаль вот – быстро дни его бегут.

ВЕСНА НА БУРОВОЙ

Самолет промчится над тайгой —
Шухнет под корягу бурундук,
Ревностно ловя над буровую
Непривычный реактивный звук.

Распахнулось небо синевою,
В кедраче, хмельной, гуляет май.
Пахнет снегом талым и корою,
Жизнь бурлит, выходит через край.

И зверек, очухавшись от спячки,
Прямо к буровой, на столик пня
Ловко тащит шишки из заначки
И влюблено смотрит на меня.

Дружен он с народом бородатым,
Помнит, как делились с ним сполна.
Угощает нас зверек, ребята,
Что гадать, весна пришла.
Весна!

– Марьюшка, Марина! – Эхо тает,
Бьется в паутине на кустах.
Именем, как ягодкой, играю
В обожженных севером губах.

Да, Марина, скоро, скоро осень:
С каждым днем угрюмее тайга,
Скоро шубы лиственницы сбросят,
Спеленает этот край пурга...

Ну, а ты смеешься... Надо мною?
Над собой?.. ты плачешь, черт возьми!
Посмотри, – какое молодое
Небо над тайгою в этот миг!..

И не плачь. Запомни это небо.
Эту синь, с отливом янтаря...
Твои губы пахнут первым снегом.
Или это – ветер сентября?..

...В тишине тяжелой просыпаюсь
Я на зов печальных глаз твоих.
И, душой усталую оттаяв,
Я иду, иду с тобой по краю
Молодости, лета и любви...

ВОСПОМИНАНИЕ О ГЕОЛОГИИ

Глухая апрельская полночь.
И звезды, как искры, в глазах.
И неба болтается полог
На кронах и темных ветвях.

Бежим за мелькнувшей машиной:
– Куда ты, шофер?.. погоди!
О, сладость, присев за кабиной,
Куришь бесшабашно в пути...

Но будто бы две папироски,
Раздутые ветром, взгляни,
Мелькают в нечастых березках
Вблизи бортовые огни.

...К утру доберемся в поселок,
В округе подняв песий лай,
И снимет усталость и голод
Смолистый, наваристый чай.

И снова на вахту: работа.
Простая, святая-святых,
Как солнце в копрах над болотом,
Как хлеб на ладонях твоих.

ТАЕЖНИК

Сгребет лицо в корявые ладони.
Присядет на делянке у костра.
Начнет припоминать и не припомнит.
А жизнь текла живицей с топора.

Ни слава, ни любовь и ни болезни
Не мучили сознание и плоть.
Он лес валили. Он хваткою железной
Медведя смог бы, встретив, побороть.

И вот сидит на пне. Но ты попробуй
Его из жизни выкорчевать – нет!
И думает. О чем? Нам, яснолобым —
Увы! – вовеки не уразуметь...

Ты была или снилась, Марина?.. —
Над Иркутском летит первый снег.
И в круженье его лебедином —
Твой приглушенный голос и смех.

Все, как есть принимали, любили,
Будто знали с тобой наперед:
Эту осень Восточной Сибири
Нам никто, никогда не вернет.

И над крышами улиц уснувших,
Над свинцовой ночной Ангарой,
Будто наши смятенные души,
Снег летит вперемешку с листвой...

Славен август последним теплом.
Лес богат молодыми грибами.
И стоит по утрам над садами
Дух медвяный, как чаша с вином.

Славен август последним теплом.
В небе аисты ходят кругами,
Обнимаются там с облаками, —
Ждет их путь под каленым дождем.

Как их встретит неведомый край?
Ну, а осень-то – не за горами.
В небе аисты ходят кругами.
Что же, лето, спасибо! Прощай...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Стать хотелось богаче,

Стать хотелось добрей.
Только вышло иначе —
Ни рублей, ни друзей.

Водка, горькая водка,
Смрад больничных палат.
И затравленным волком
Смотришь ты на закат.

Ничего не осталось,
Лишь болезнь и долги.
Что тебе помешало?!
Чем ты хуже других?..

ЛИРИЧЕСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ
О НАРЯДЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
День рожденья. Двадцать лет. В наряде
Восседаю в штабе и курю.
Если б, скажем, в парке, на параде...
Но плевать! Судьбу благодарю
Лишь за то, что там, в степи, багрово
Расплескало утро свет зари,
И с помдежем, старшиной Холщевым,
Мы не по уставу говорим.
Я ему свои стихи читаю,
Он смеется: «Ну, скажи, солдат,
Будто вирши Боги сочиняют,
Словно это – наивысший дар...»
Говорит он: «Шел бы в офицеры,
Ты же парень вроде не дурак.
Голова – ну просто для карьеры,
Там, глядишь, уже и генерал!»
Нет, Холщев, я слишком сердобольный,
Быть военным не сулили мне Бог.
Но с гербом узорные погоны
Я тебе вручил бы, если б мог.
Ты герой! Да вот не вышел рангом,
Хоть из окруженья выходил.
Перед самым юным лейтенантом
Ты, поди, уже не командир.
Ну, а я привык не по уставу
Жить, от рангов и чинов устав:
Человеком быть – святое право,
Совесть – мой единственный устав!

В НОЧНОМ ЛЕСУ
Как от болезни, вдруг проснулся!
И бор дремавший покачнулся —
Поплыли сосны в небесах...

И постарел я на глазах.
– А как ты жил? – спросил себя я.
И ужаснулся, вспоминая.
А в небе сосны плыли, плыли...
Ах, как я жил...
А вы – как жили?..

Буду грустен, а может быть, весел
(Я давно не был весел. Давно).
Как в старинной задумчивой песне,
Побреду по дороге ночной.

И, до нитки последней промокнув,
Сам того не желая, прибьюсь
Под печально знакомые окна
И давнишней тоской подавлюсь.

Закурю у случайных прохожих,
Посмеюсь над собой и судьбой:
Вроде я и не глуп? Так чего же
Жизнь все шутит и шутит со мной?..

Я все прощу: обиду друга,
Любимой ложь и лесть врага.
Да минет ночь! Да стихнет выюга!
Да пропадет печаль-тоска!..
Мой старый друг – моя отрада,
С тобой теряю я себя...
Любимой брошен. Как отрава —
Два слова в сердце: «Не судьба...»
...Светло в последней электричке.
Свистит пространство за окном.
Всё вроде правильно, логично,
Но – где же друг?
Темным-темно...
И – где любимая?..
На выход!
Пункт назначения. Пора!
И нету выбора и выгод.
Вокзал, скамейка. До утра.
А там: вздох – простор, свобода!
И ты опять, как в детстве, чист:
Друзья, любимая, работа.
И снова жизнь – как белый лист.

Он упал в траву, раскинув руки.

В стороне гудел вечерний шлях.
Комом к горлу подкатив, разлука
Растеклась по телу тяжелой мукой,
И печаль туманилась в глазах.

И сквозь сон он видел, как в проеме
В майский сад открытого окна
Хлопотала мам в отчем доме,
И текла, как молоко в подойник,
Ей в ладони ранняя луна...

– Поднимайся! – шелестели ветры.
– Торопись! – сигналили вдали.
И спускалась полночь незаметно,
Все вокруг залив туманным светом.
И сбивали звезды журавли.

Осмотрелся. Закурил. Шатаясь,
Шел, освобождаясь от сонных пут.
И, друг друга громко окликаая,
В небе низком шла за стаей стая,
И с земным смешался Млечный Путь.

И, припав к случайному болотцу,
Долго пил и набирался сил.
Понял он: вот-вот заря прольется.
И пошел – навстречу утру, солнцу
Пусть бедовый, все же чей-то сын...

К нам кто-то этой ночью заходил,
Но в темноте неразличимы лица!
Стучатся в окна поздние дожди,
Им, как и мне, какую ночь не спится.

Я встал с постели, нервно закурил.
Мелькают мысли в голове, как спицы:
– Ну кто к нам этой ночью заходил?..
Я слышу голоса. Не различаю лица.

Гроза среди ночи разбудит.
К ребенку прижмешься, любя.
Ты в горе меня не забудешь.
Я в горе не вспомню тебя.

Судьба, точно буря, закрутит,
Удачей слепя и дразня!
Я в счастье тебя не забуду.

Ты в счастье не вспомнишь меня.

Пригород. Дачный поселок.
Смех осторожный жены.
Белый рождественский холод.
Как мы еще влюблены...

Верим ли в счастье? Не верим?
Ссоримся. Больно молчим.
Дуют балтийские ветры.
Что же мы в поле стоим?..

Низко дрожащие звезды.
Крик электричек вдали.
Позднее время. Не поздно:
Руки и сердце – любви!

...Тянется, тянется холод
Столько томительных лет...
Пригород. Дачный поселок.
Звездный негреющий свет.

Приснилось: Боже праведный, хоронят...
Меня хоронят, ну а я – живой!
Молчат в упряжке в черных шорах кони,
Молчит возница, с перепоя злой.

А я лежу. Ни встать, ни шелохнуться...
Ну подойди же кто-нибудь ко мне!
Глаза открыть бы, небу улыбнуться
И закричать, как в юности, весне!..

А я лежу. Одни... Как это дико,
Как страшно на последней из дорого!
Мне б только встать, узнать, чего так тихо?
Ведь я при жизни не был одинок?..

Везут меня. Мне щеки ветер студит,
Он пахнет прелью, хвоей и землей.
И – тишина. Такая, будто люди
Прощаются навеки с тишиной.

Все тишина. И только низко ворон
Так заскрипел, так заскрипел, подлец,
Что враз дохнуло в душу мраком черным
И понял я: конец пришел, конец.

Эх, встать бы мне, потрянуть за грудь возницу:
Куда везешь? В уме ли ты, старик?
Но никого... И только низко-низко
Висит над полем черной птицы крик.

Вот и погост. Остановились. Точка.
Закрыли крышку. Молотки стучат.
...Проснулся – утро. Первый гром рокочем,
Скворцы от ливня прячутся, кричат...

Лебеди, вмерзшие в реку,
Рухнувший в воду паром.
Боже мой, здесь человеку
Надо ж рубить было дом...

Молча стоим, горожане,
Сытые счастьем своим.
В доме любили, рожали,
Да вот остался пустым...

Дети войны, ширпотреба,
Как мы смогли очерстветь?!
Лебеди с болью на небо
Смотрят – не могут взлететь.

На дальние огни ночных поселков,
На близкие огни далеких звезд
Уходим мы тропой, известной только
Глухим ветрам, слетающим с берез.

Уходим молча. Курим осторожно —
Сухой валежник и тайга, тайга...
И в жизни невозможное возможно:
Весной реке плевать на берега!

Я в жизни не был первой скрипкой в хоре,
Но истово пою, до хрипоты!
Да, я горяч, пусть даже в малом споре,
Но я всегда открыт – до простоты.

Друзья простят, что с ними ненадолго.
Их путь не прост, мой тоже путь не прост:
На дальние огни ночных поселков,
На близкие огни далеких звезд...

В. К.
Жизнь летела от вокзала до вокзала,
Жизнь тащилась от ларька и до ларька.

Слушай, друг, давай начнем сначала —
Это надо нам наверняка.

Словно дым в трубу, летело время,
По течению слишком просто плыть.
Только в жизни главная проблема —
Это правильно и честно жить.

Жить, чтоб мать больная не боялась
Нам с дороги двери отворять.
Слушай, друг, давай начнем сначала —
Завтра будет поздно начинать...

Ф. Чечiku
Слава Богу! – никому не должен.
Уезжаю... Опускаю флаг...
Для друзей – я верный друг все тот же.
Ну, а для врагов, конечно, враг.

Если напишу кому с дороги,
То тебе, моя больная мать.
Ты прости меня за все тревоги,
Ноя сердце не могу унять.

Жизнь свою в дороге подытожив,
Самому себе скажу я так:
– Слава Богу – никому не должен!
– Слава Богу – поднимаю флаг!

Задует ветер пепелище.
Забвения закружит снег.
А он все ходит,
что-то ищет,
Во что-то верит
Человек!

Из разных тетрадей (стихи 70-80-х XX ст.)

ПОЛЕССКАЯ БАЛЛАДА

У истока Припяти – озеро Любязь
Светлою подковой поперек реки.
Не с того ли так здесь ясноглазы люди,
Что чисты, как души, в селах родники?

Родина. Полесье. Чистая водица!
Гнездами буслиными коронован край.
Из реки родимой нам ли не напиться?!

Эх, браток, хлебнули так, что через край...

Начиналась Припять – Любешов да Любень,
А венчалась в устье страшно – Чернобыль.
Ни любви, ни горя, видно, не избудем —
Горькая славянская, да родная быль...

КОСТРЫ БРАТСТВА

Золотые клены.
Белые мосты.
От села до вёски —
ровно три версты.
Неразрывной лентой
Припяти-реки
Связаны навечно
мы, полешуки.
Воины славянских
доблестных князей
Из нее поили,
в бой идя,
коней.
Поднимались вместе
супротив врага,
Чтоб оков не знали
эти берега!
За голубоглазых
Лесей и Алён
Встанем,
если надо
под кумач знамен.
Мы вам – щери дружи.
Вы для нас – сябры!
Не погаснут братства
нашего костры!

Мой дед Феодосий Максимович
Не ведал чинов и наград.
Дубы вековые с осинами
Над скромной оградкой шумят.

Про то, как туманными веснами
За плугом ты шел бороздой.
И эта дорога незвездная —
До звезд самых дальних длиной.

Ногами твоими измерено
Жизнь-поле. И полем ты шел.
Светила кому-то Америка, —

Ты здесь свое счастье нашел.

А горе-нужда переборются:
В разруху, любви не тая,
Над пыльной замшелой околицей
Звенела гармошка твоя!

Ты прожил, как спел. И наградой —
На вечные веки живой, —
К земле наклонясь, за оградкою
Колосья поют над тобой.

Первая разлука – полуостров Крым.
Рынок. Дешевизна. И – голодный в дым!

Толкотня базара. Черная земля.
Юность – это точно: нету ни рубля.

Но зато открыто на ходу курю!
И уже за это жизнь благодарю.

Пробую. Торгуюсь. Дальше прохожу.
На околыш красный искоса гляжу.

Вновь торгуюсь – пробую. А базар шумит!
Не спешу – к обеду, знаю, буду сыт.

Подкатились с картами, юбками шуршат.
Что ж, гадайте, милые, – нету ни гроша!

Прикурить? Пожалуйста! – спичками богат.
Да-а, вина, конечно, я и сам бы рад...

К вечеру устану. Брошу толчею.
В привокзальном сквере высмотрю скамью.

Вспомню дом и маму – на закат взгляну.
И в обнимку с небом до утра усну.

Что там снилось-мнилось – ветром унесло.
А сбылось – не сбылось – на сердце легло.

Первая разлука – встреч пьянящий дым.
Степь, базары, море – полуостров Крым.

Вот и ушла, отвернулась.
Что-то сказала зло.

Жизнь, как пластинку, качнуло
И понесло, понесло...
Вслед не пошел, не окликнул,
Хоть бы словечко – вслед.
Крутит разлука пластинку —
Боже мой, – сбоя нет.
Крутит и крутит, и вертит,
Замкнутый черный круг!
По этой, по круговерти
Куда-то все пру и пру...
Но где же тот смех, тот голос,
Иглы удалой забег?!
До хрипа пластинка стерлась.
А чисто звучал запев...

Свет лунный по комнате бродит.
Любимая плачет во сне.
А лучшие годы проходят,
Как этот – за окнами – снег.

Все ждешь перемен. Не иначе.
Хоть жизнь, как слезинка, ясна.
С чего тогда милая плачет,
Ведь вечером пела она?..

Тот же тополь. И та же улица.
Тот же дом. И калитка та.
Отчего же ты, друг, сутулишься, —
В сердце боль и в душе маета?

Все пройдет. Навсегда позабудется.
Не забудутся только вовек
Этот тополь и эта вот улица,
И забывший тебя человек...

...и признаться, мне уже не страшно.
Страшно было это пережить:
Смотрит мама сдержанно и мрачно,
Батька, тот не хочет говорить...

Как солдат, забывший святость флага,
Вырвавшийся чудом из огня,
Вспомнив вдруг товарищей, присягу, —
Жизни не обрадовался я!..

Что такого? – Развелись и точка.

Разошлись – и нечего делить!
Переезды, передряги, теща...
Сыну как все это объяснить?..

Вырастет – похожий-непохожий —
Разве только в этом толк и суть?
Встретится случайно, как прохожий
И посмеешь, разве что, взглянуть...

Если что и нажил, – хворь да склоки,
Мчал по жизни, не жалея ног.
От судьбы отцовской, как от водки,
Боже упаси тебя, сынок...

Негодяй, а говорят: «Собака»...
Подлецу вослед глядят: «Прохвост»...
Но, друзья, задумайтесь, однако
И пускай простит нас
друг наш – пес.

Человек додумался до мата:
«В мать!» – ревет. И даже – «В бога мать!»...
Что ж тогда вам, братцы люди, свято,
Коль святыни стали осквернять?..

Ничему не удивлюсь,
Все приму – спасибо.
Счастьем больше не упьюсь,
А беду осилю.

Милые жена и мать
(Есть ли кто роднее?!),
Необъятное обнять,
Кажется, сумею.

Вот он, возраста предел:
Шляпу снял – Голгофа.
Что хотел – не все успел,
Да не все так плохо.

Что гадать? И что рядить?
Что глядеть на звезды?
Просто надо
просто жить,
Что не так-то просто...

Дорога. Поле. Крест высокий.
Холмы. Дубрава. Синева.
В деревьях – домик одинокий.
И рожь. Без края рожь. Литва.

И пенье птиц, и скрип колодца,
И на дворе гусей возня...
Хозяйки щедрость, щедрость солнца
Вскружили голову, пьяня.

И только щупальца антенны,
Черно торчащие в листве,
Напомнят вдруг о мире бренном:
Ракеты, космос... Страшный век!

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ В ВИЛЬНЮСЕ

Осенний парк. Знакомый. Незнакомый.
Озябший дворник дышит тяжело.
И ты, какой-то тайною влекомый,
Идешь-идешь, пока вдруг лист кленовый
Не остудит разгоряченный лоб!..

И встанешь посреди сквозной аллеи,
Глаза поднимешь и поймашь взгляд
Такой живой, родной до ослепленья!
Уютней сразу станет и теплее.
И не захочешь уходить назад.

ВИЛЬНЮС. КОНЕЦ 1987-го
Серый город. А снег синеватый.
Неожиданно рухнувший снег.
И проулок, кривой и горбытый,
Вдруг нырнувший в бурлящий проспект.

Магазины, витрины, толкучки...
И не верится: здесь по холмам
Мчал в пролетке взволнованный Пушкин,
Крепко Адам его обнимал!..

Бонапарта и Кайзера слава
Спотыкалась на этих камнях.
А в окрестных полях и дубравах
«Лайсве!» гордо кипело в устах.

И не здесь ли с бедой заскорузлой
Шли, сутулясь, в тревожный рассвет,
И летело вслед: – Кто?..
– Белорусы! —
Сердце Янки стучало в ответ.

Этот город – эпох перекресток
И славянства извечный причал.
Снег идет. И кончается осень.
И зима – как начало начал...
Лайсве – свобода (литовск.).

Льется по небосводу
Свет кровавый луны.
Утро Нового года.
Шли солдаты с войны.

Пехотинец-калека
Без руки и погон.
Утро нового века —
Восемнадцатый год.

Встретит мать – зарыдает,
Вспыхнет счастьем жена:
В стороне этой знают,
Что такое – война...

На просторах России
И в Полесье моем
Землю с кровью месила,
Жгла слезой и огнем.

Ничего, что безрукий,
Лишь бы вышел живой
Из такой заварухи —
Боже мой! – мировой...

С веток сыплется иней —
Белый вздох января.
Над смятенной Россией
Занималась заря.

Ольшаники. Болота торфяные.
Крик перелетных стай в дыму костров,
Как родины весенней позывные, —
И снова в жилах горячеет кровь.
Туда, туда, в хмель утренних туманов,
В разливы рек и в пробужденье чащ!
Припасть к курганам сердцем, будто раной —
Унять тревогу и забыть печаль...
А лед идет! По Мухавцу. По Пине.
По Припяти идет вчерашний лед...

И аист на знакомой луговине
Стартует с аистихою в полет.
И день встает, зарею осиянный.
И в поле трактор голос подает.
И в мире все рассветно-первозданно.
И жизнь,
как лед,
идет,
идет,
идет...

В тумане лодку потеряю.
Очнусь на душном берегу.
И, ничего не понимая,
Вдоль тихой речки побреду.

Я здесь родился. Здесь я вырос.
Из этой речки воду пил...
И не один здесь невод вытряс,
И не одну версту проплыл.

Ни рыбнадзор, ни дед небритый,
Ну хоть бы кто бы – на пути!..
Бреду без кепки, с толку сбитый,
А лодки все мне не найти.

Кричу отрывисто с откоса.
В ответ – ни крика, ни гу-гу.
Но вот на яликах матросы
Выходят строго на реку.

Идет буксир, как наважденье,
Ревет пронзительный гудок.
Но где же лодка?.. Нет терпенья!
И я, устав, под стог прилег.

И мне приснился странный невод,
В нем билась лодка. Лодка! Та!..
И я, босой, бегу по небу!..
И пустота... И пустота...

Который год. Который год.
Уходит вдаль по рекам лед.
И, словно белый пароход,
Душа моя за ним плывет.

Ах, ледоход... Ах, ледоход!..

Который год... Который год!..

Но он не вечен, этот лед —
Водою талой потечет.
Но вечен он, души полет —
Из года в год... Из года в год...

Плыви, плыви, мой пароход!

Когда нас нет, нас быстро забывают,
Совсем другими мысли заполняют,
А если же порой и вспоминают,
Как паузу в концерте, заполняют
О нас пустыми спорами досуг.
Все больше убеждаясь только в том,
Что нас легко и просто забывают,
Так, словно двери в доме забывают,
Навеки покидая этот дом.
И думают, что быт свой обновляют,
Лишь снова повторяя старый круг...

Избавь меня от похорон старух,
Избавь меня от свадеб всех твоих подруг,
От вечеров в кругу твоих друзей,
От лжи, что завтра будет веселей.
Избавь меня от вечной беготни,
Очередей, дешевой болтовни,
Избавь меня, прошу тебя, избавь.
И отпусти в объятия дубрав!
И отпусти меня в мои леса,
Под небеса, родные небеса.
Там каждый дуб – мой самый верный друг,
Там весь в цветах, как небо в звездах, луг.
Избавь меня от лжи своей, прошу тебя,
От слов заезженных «любовь», «судьба»
Избавь меня,
избавь меня,
избавь...

Отвыкаем от общих вагонов,
От попутков, случайных телег.
Это, в общем-то, братцы, резонно
В наш сверхбыстрый, сверхопытный век.

От лесов отвыкаем и речек,
От весеннего чувства земли.

О погоде болтаем при встрече,
А природу «средой» нарекли.

Все спешим. И друзей замечая,
Извиняемся: служба, семья...
И прекрасно же – да! – понимаем,
Что с друзьями – теряем себя.

Отвыкаем... Не это пугает:
Просто пробил неожиданный тот час —
Это молодость нас покидает,
Это время уходит от нас...

У МОГИЛЫ ДРУГА

Памяти Лени Шахновича
Облака над кладбищем. Полдень голубой.
Неужели там лишь встретимся с тобой?..
Под землю... В небе... Это все – слова.
Здесь всюду бушует майская трава!
Ну а там что?.. Что там?!
Кабы это знать,
Может, было б легче близких провожать.
Постою, подумаю в скорбной тишине,
Что там уготовано, бедокуру, мне?..

Что там – дубы за селом вырубают?!
Это поэт в темноте умирает...
Что там – листва среди весны опадает?!
Это поэт в тишине умирает...
Что там – пшеница в полях полыхает?!
Это поэт в духоте умирает...
Что там – война взорвалась мировая?!
Это поэт, жизнь любя, умирает...

Курим. Молчим. Губы в кровь искушали.
Вместе с друзьями и мы умирали.

Снова дубы небосвод поднимают;
Листья, что птицы, под небо взлетают;
В поле колосья, как лира, играют;
Люди живут, в Мире мир утверждая!
Люди живут. И поэт вырастает!..

А я любил позировать для фото:
– Внимание!
Пусть птичка не летит,
Но завтра на тебя, не на кого-то

Девчонка заморожено глядит...
Задира, сбита кепка на затылок.
В зубах окурок,
весел и смешон,
Я помню, как меня заморозило
Фотографа-мальчишки:
– Хоро-шо-о!..

Все хорошо. Да вот отцу попало
Мое лихое фото в тот же день.
И сам не знаю, почему не взял он
Со спины стула старый свой ремень?
Закашлявшись. Помял он папиросу:
– Тут не геройство, хлопец, а беда...
И так сказал он это горько-просто,
Что расхотел курить я навсегда.

Адрес Весны...
Его в том марте
Чертило солнце
первыми проталинами
На белой странице
твоей улицы;
Его писали
Розово-белые
от майского цвета ветки
По стеклу твоего окна;
Два года
Я писал его
на солдатских конвертах
В письмах к тебе...
Но без меня отцвели,
Душистой порошей
выбелив твой подоконник,
Яблони старого сада...
И напрасно
прямо с поезда
Я побежал к тебе:
Было уже лето.
...Самыми светлыми
воспоминаниями
Вписан он в мою память,
В мое сердце,
Адрес Весны...

ДРУГ ДЕТСТВА

– Не грусти. До свиданья, старик! —
И сейчас же, огромный, усталый,

Он пошел через парк напрямик,
Через лужи и морось – к вокзалу.

Лишь махнул, обернувшись, рукой.
Значит: нет, не напишет с дороги.
Коль уехал – с собой все тревоги,
Все печали и боли – с собой!

Сядет в поезд. Спокойно уснет.
Ни поклажи, ни сверточка даже!..
У других – и сберкнижки, и дачи,
У него – свой особенный счет.

Кто-то высмеет тайно вослед,
Кто-то зависть улыбкой прикроет:
Его знают великие стройки,
Его помнит целинная степь.

Дождями захлебнулось лето,
Рыдают стаи по ночам:
Уносят птицы на край света
И радость нашу, и печаль.
И вновь от пристани далеко
Текут прощальные гудки.
И только ярче светят окна —
Надежды нашей маяки.

Ох, извечная эта сумятица...
Осень, лето или зима, —
Что-то в жизни моей все не ладится,
Хоть кричи, хоть сойди с ума!..

Говорят мне: «Влюбился бы, что ли ты?..»
Ну, а толку? – Влюблялся не раз.
Было время – летал соколиком,
А сейчас бы – воробышком рад.

Надоело вздыхать и плакаться.
Да и плакать-то не по себе...
Эх ты, молодость, жизни растратчица!
Чем платить мне за буйство теперь?..

СЕРДЦЕ

Боль прошла. Утихла понемногу.
Потрепавши, отпустила сердце боль.
И ему опять давай тревогу.
Снова подавай ему любовь.

Общие вагоны и попутки,
Гул турбин и мерный скрип телег.
И во что тебя только не впутывал,
В полымя бросал, на лед и снег...
Битое, в рубцах и грубых шрамах,
Ты куда несешься второпях,
Ведь стучит такое же у мамы,
Да еще с тревогой за тебя?..

Снег метет. Колотит вьюга в рамы.
Бьется белый пламень холодов.
На таежной станции Тушама
Переключка встречных поездов.

Ритма жизни этой не нарушу.
Стукну дверью: стужа, ветер, снег
За моей спиной огни потушат,
Заметет поземка грубый след.

Всю ночь мело... Пуржило. Завывало.
Из край в край метало жгучий снег.
Надвинув шапку, в сторону вокзала,
Ссутулившись, тащился человек.

Портфель. Клюка. Один, без провожатых.
Ботинки и помятое пальто.
И там, на том конце, на снег примятый
Под вечер ступит – нет, не ждет никто.

В толпе пройдет по улице горбатой.
Окраина. Пустой, холодный дом.
И дверь, что кошка, взвизгнет виновато,
Отброшенная в сторону пинком...

За мною, злясь, кричали двери:
Я уходил! В туман и ночь.
В меня – увы – никто не верил,
Считали: нечем мне помочь.

На стыках рельсы прогибались.
Мелькали рощи и мосты.
И где-то в прошлом оставались:
Дом, школа, юность и мечты.

Я уезжал. Куда? Не знаю.
Да я и не стремился знать.

Летела молодость по краю
И было некогда мечтать.

Я землю рыл. В тайгу врубался.
Долбил ночами мерзлоту.
Я падал в снег. На мат срывался.
Но свято верил – в чистоту!

Так почему кричали двери,
Мол, здесь ты лишний, уходи?!
Я верю вам! И вы поверьте!
Мне с вами, люди, по пути.

ПОСТФАКТУМ ПЕРЕСТРОЙКИ

Я – пессимист.
Желчный и безнадежный.

И таким
Сделала меня жизнь —
Меня предавали любимые
И те, кого я называл друзьями...

Я – пессимист.
Потому, видимо,
Никогда не пойму
Людей с пылающими глазами —
Оптимистов,
Готовых сплясать
На крышке собственного гроба...

ПОСТСКРИПТУМ 7 ЯНВАРЯ 1989-го

Переведи меня через майдан...
...А поля не было, где кончился майдан.
Виталий Коротич
Переведи меня, Виталий,
Через майдан, где лесть и ложь,
Туда, в поля, где птичьи дали,
Где бьет волною в небо рожь.

Туда, где летом зори вишен
Горят над степью день-деньской;
Где пульс трагедии – ой! – слышен
На вене Припяти больной.

Туда, где бури пашут пляжи,
Где горы падают, туда,
Туда, где боль и радость наши,
Где горе наше и беда...

Туда, где реки выпрямляли,
Где лес и нива просят пить,
И где кресты с церковей срывали,
Чтоб избы наглухо забить.

Туда, туда веди, Виталий,
Где мы спокойно забывали,
А может, просто – предавали
Отцов, Отечество, язык...

Веди. И сам иди, Виталий,
Где поле кончилось – тупик.

Я начинал все заново. И снова
Я голубей гонял по чердакам,
Ломал тайком, босой, белоголовый,
В чужих садах сирень по вечерам.
Я начинал все заново. Мальчишка
В фуфайке не по возрасту большой
Сжимал в кармане пропускную книжку,
Волнуясь, у фабричной проходной.
Я начинал все заново. И поезд
Меня из детства быстро уносил,
Смеялся я, конфеты ел, а после
Махать лопатой не хватало сил.
Но я вырослел. И становились тверже
Ладони рук моих от черенка.
И пусть прошел уже немало, все же
Дорога, как и прежде, нелегка.

Жизнь прошла в расставанье с порогом.
Нынче многого горестно жаль.
– Поверни меня, слышишь, дорога,
Я вернусь в свою первую даль.

Под окошком за тихой калиткой,
На скамье у тесовых ворот,
Где и в будни под пышной калиной
Собирался окрестный народ.

Шутки, смех, прибаутки... И чарка
Золотилась до звонкого дна!..
И не пьяной была, не случайной
Доброта, будто все тут – родня.

Светлой песней будили округу —
Пережили войну, голодуху...

Как давно это было, дорога...
Но спешишь ты за ветром вперед —
От весны, от любви, от порога,
Где остался тот славный народ...

Леониду Кривецкому
Господи! Дай мне силы
Молча презреть подлеца,
Жить и не прятать лица,
Господи, дай мне силы.

Господи! Дай мне силы
Голод и холод стерпеть,
Горем разбитому, петь,
Господи, дай мне силы.

Господи! Дай мне силы
Нищего не обойти,
Не встать на чужом пути,
Господи, дай мне силы.

Господи! Дай мне силы
Алчных простить и понять,
Страждущим боли унять,
Господи, дай мне силы.

Господи! Дай мне силы
Зверя в себе убить,
Не растронжирить любви,
Господи, дай мне силы.

Господи! Дай мне силы
Встать над бедой и тщетою,
В счастье остаться собой,
Господи, дай мне силы...

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
(Питер-93)

В этот город я еще приеду,
Обниму Фонтанку и Неву.
Этот город шел за мной по следу,
Ну, а я вперед спешил — к нему.

Не заметил, просвистело время,
И желанной встрече сам не рад,
Я иду по Невскому, не веря,
Что уж ты теперь не Ленинград.

Что давно и я не тот, крылатый,
Да и ты какой-то уж не тот,
И мосты твои, прости, горбаты,
И перемудрил с конями Клодт, —
Им бы вскачь, иль через реку вброд!..

Ну, а мимо – всё народ, народ...
Как же он сейчас похож на сброд...

Ни на что давно не претендуя,
Отмахав по жизни налегке,
Я уже ищу не храм – пивную
И люблюсь мусором в реке...

Боже мой, какими же мы стали,
Вечный город, мимолетный я?..
В сумрачном, замызганном вокзале
Бомжем занята моя скамья.

Постою у входа виновато,
А за что? Прости нас, Бог, прости,
И уеду в сторону заката —
Смоют ли наш грех твои дожди?..

Ты для меня, как ночью плач в подушку,
Как пенье одинокого в лесу!..
Поэзия,
Найди кого получше,
Я этого, наверно, не снесу...

– Что вынес ты из тысячи дорогого?
– Десяток встреч да столько ж светлых строк.

– А что, другие просто растерял?
– Нет, я значенья им не придавал.

– Уж больно скучно и легко ты жил?
– Да, ничего, увы, не совершил.

– И вот пришел пустым на перевал?
– Зато друзей в пути не предавал.

– А с перевала, как и с чем, пойдешь?
– Пойду, как в мае полем щедрый дождь.

– Но вот зачем, куда ты всё спешишь?!

– На праздник вашей и своей души...

«Белые мосты» 2004

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Я шел на голос завтрашней печали
По следу отболевших бед и ран.
Меня в вокзальных толпах узнавали —
Краюху подвигали и стакан.

Гремели двери, лязгали колеса.
Я уезжал, ни слова не сказав.
Дымилась даль от ветра и мороза,
От слез мутнели небо и глаза.

Я забывал о матери и доме,
Я родину в лицо не узнавал...
От пыли задыхаясь, в суходоле
Качался шлях и в звездах пропадал.

Тот самый шлях, от серой пыли млечный,
Что наши души с небом заручил.
И, обрекая нас на поиск вечный,
Единственно – тревогой – наделил.

СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА

После зимних холодов и житейских неурядиц
Вдруг окликнет древний Гдов – это ли тебе не радость?

Светом дивным озарюсь, засмеюсь тщете вчерашней,
Чаю выпью, помолюсь – не такой уж я пропащий...

Здравствуй, Русь! Господень лик на твою глядит обитель.
Свете дивный, – поклонюсь, – вот и я тебя увидел.

Что божба да ворожба, что заклятья да проклятья, —
Вот он свет – твоя судьба! Как легко в его объятьях!..

Здравствуй, женщина! С тобой нам идти еще по свету.
Жизнь моя, моя любовь и твоим сияют светом.

Столько света!.. На земле. Я люблю, люблю вас, люди!..
Столько света на земле – о конце своем забудешь...

Упадешь в пути далеком – Припять
Зарябит в испуганных глазах.
Поднесут воды – не сможешь выпить.
В кружку сухо скатится слеза.

И глазами шаря в небе слепо,
Задыхаясь на краю полей,
Ты увидишь ясно напоследок,
Что и не заметил на земле.

Лето. Полдень. Пина. Струмень. Припять.
Тихий городок у тихих рек.
Если бы из них водицы выпить,
Может быть, и встал бы, и окреп...

Но пылит чужих просторов ветер,
Оседая зноем в волосах.
И, как слезы на припухших веках,
Реки детства замерли в глазах.

НА РОДИНЕ

Алесю Кожедубу

– ...они поредели, родные леса.

– Но все же сияет на листьях роса!

...а может быть, лешего это слеза?

– ...река обмелела, и озера нет.

– Но все же высок над болотом рассвет!

...ну, ладно, русалки, – лягушки где след?

– ...деревня была тут, в ней батька мой рос.

– Но все же, смотри, сохранился погост!

...и ветер ли, память – за мной в полный рост?

Пошел прогуляться, да что-то не рад.

Ну, вот так прогулку устроил мне брат!

А может быть, просто с душою разлад?..

Но я-то, но я-то... И я виноват!

«Подстил твой и крыша – полынь да репей,

А дальше-то, братец, и прыгать не смей...»

Но знал я, что есть поцветистей поля,

Грудастее девки, жирнее земля;

И крепче вино, и свирепей рассол, —

Я счастье искал – я его не нашел...

А водка несла, хоть был гол как сокол:

– Держите! – И в бабий валился подол.

Но вьюга стихала – тоска, хоть убей! —

Во мне просыпались полынь да репей.
И поле гудело, дул ветер с реки,
И мать убирала слезу со щеки...

И сами всплывали отцовы слова:
«За морем ноги – в дому голова...»

БЕЛАЯ РОЩА

Светлые ночи и черные дни.
Белая роща, молю: схорони
Сердце мое под осенним листом,
Чтобы однажды воскреснуть потом.
Легкою пташкой вспорхнуть над землей
И приземлиться в сторонке родной,
Где под железным тяжелым крестом
Батькино сердце сокрыто пластом.
Белую песню ему пропою,
Хоть не до песен в родимом краю.
Что он-то видел!.. Лишь черные дни, —
Кровь, трудодни да пожарищ огни...
Белая роща – Отчизны печаль.
Сердце устало мечтать по ночам.
Что-то там будет? Что ждет впереди?!
Белая, роща, ты только свети!
Ну, а пока что – лишь черные дни.
Все проходило. Пройдут ли они?..

ПРОЩАНИЕ БЕЛОРУСА С КРЕМЛЕМ

Москва. Красная площадь. 199... год

Шапку снял: спасибо, перестройка,
Стал, что шавка, дерганным и злым,
Все стерпел бы, Милостивый, только
Осени сей плац перстом своим;
Камень сей и каменные души
За стеной, стенающей от лжи...
Храм твой погран, осквернен, порушен,
Но еще хранят Свет рубежи.

Вдалеке от родины и дома
Твой солдат, я здесь уже – чужой?
Это чувство мне давно знакомо,
А теперь добавилось – изгой.
Все пойму и все приму отныне,
Только с этим нет, не примирюсь.
Кто там встал?! Се – русская святыня,
Дай на храм спокойно помолюсь.

И СНИЛОСЬ МНЕ...

И снилось мне: взошел на раздорожье,
Хлеба несжатые заносит снег...
Тьма позади сгущается тревожно,
А впереди – тревожно всходит свет.
Что там за свет – сквозь снег – во тьме кромешной?
Я дом оставил, Русь... За далью зим
Пришел. Стою на пепелище, грешный,
Куда теперь?! – Разграблен Третий Рим...

Под шум листопада, под всхлипы дождя,
Очнусь и опомнюсь – живу, уходя.
И вечно на кромке, у самых дверей —
Я тот, с кем на свете всего тяжелей.
Побитый, отпетый, пропитый до тла!..
Спасибо, Отчизна, хоть ты берегла.
Ни боли. Ни страха. Ни горьких обид.
Отвергнутый зло, научился любить.
Я верил: придут они, день тот и ночь.
И высшей наградой стала мне дочь.
Над пыльной, над вьюжной дорогой моей
Не меркнет сияние милых очей...
А там, за дождями, за палой листвой?
Не кто-то другой там. Там я, но другой.
Мне дорог и он. Я его не корю.
И жизни «спасибо» за всё говорю.
И даже за то, что за дальней чертой
Не станет такого, хоть стал я другой.

Свет зажгу, оставлю дверь открытой:
Сколько их, пропащих, на земле?..
Я и сам пришел испытый, битый,
С думой о прощеньи, о тепле.

Хлеб нарежет, вскипятит водицу,
И посмотрит – как с иконы – мать.
Помолясь, присядет под божницу
Плакать, улыбаться и вздыхать.

Отчий дом, бедой и горем крытый,
Ни за что не оброну упрек,
Дверь твоя всегда была открытой,
Потому я был не одинок.

Потому легка была дорога
И, по сути, – жизнь не тяжела.
И пока жива мать – слава Богу! —
Хватит мне и хлеба, и тепла.

Снова пришел я на берег твой, Припять.
Горьким туманом допьяну упьюсь.
Родины боли – как водки – не выпить.
Тень на лице твоём, Белая Русь.

Спился бы, Родина! Только бы выпить,
Боль твою выпить до белого дна!
Плачут славянки – не высохнет Припять,
Чистые слезы, а речка черна...

Родина – дух чабреца и бензина,
Ленты каналов... Болото, ау-у!..
Боже мой, аист! Худющий. В низине.
Все же вернулся?.. И я, брат, живу...

Бульбой и хлебом, да утренним светом
Кто же хотел этот край обделить?!
Вот и мой город под выжженным небом
С прядью зеленой каштанов и лип.

Кроме самих, нас никто не обделит.
Что же случилось – живем, как враги?
Кто мне на это, Отчизна, ответит?
Город молчит. Может, ветер с реки?

Может быть, аист, тот самый, худющий?
Он без конвоя вернулся сюда.
Может, в деревне колодец скрипучий,
Где поржавела на донце вода?..

Знаю, ответа пока не услышу.
Сердце утешу: живуч мой народ.
Дальше пойду. За излукой увижу:
Белый, как сказка, плывет пароход.

Горше родимой – полыни не сыщешь.
Слаще беды, чем любовь, не узнать.
Родина – сад мой, мое пепелище.
Здесь расцветал я. И здесь мне сгорать.

БАРАНОВИЧИ

За насыпью дворы – снега по пояс,
И тает день, поземкою звеня.
Здесь где-то хоронился царский поезд,
Здесь вырезвитель привечал меня.

Барановичи – Родины предбанник,

Вон после Бреста стряхивает пыль
Европа, развалиясь на чемодане,
При этом ловко пряча свою гниль...

А снег метет! Он, глядя на ночь, черный.
И кажутся горбатыми дома.
И поезд из Парижа расфранченный
Встречает грубо местная зима.

А мне-то что?.. Последний рваный пропит.
Вагон рабочий, выручай, браток!
Нам, как похмелья, не видать Европы —
Ну, хоть бы пива кислого глоток!..

Барановичи – вечный перекресток,
Судьбы моей немислимый зигзаг...
Ну, где еще, скажи мне, так вот просто
Мы можем бездне заглянуть в глаза?..

ВЕТЕР

Вдруг ветер поймаю! И выброшу,
И сплуну, ругаясь черно.
Казалось, богатым я вырасту —
В карманах от ветра тесно...

Дорога печальная Родины,
Куда ты меня привела?..
Глаза поднимаю – уродины:
Червонец на месте чела.

А сам-то ты лучше? Вот именно.
На брата пеняй, на жену —
Всё по миру бросил, до имени,
И богом избрал сатану.

Ах, улица города шумного,
Знакомый, с буфетом тупик,
Ну что же, не приняли юного —
Теперь-то иду напрямик!

Я слыл непутевым, отчаянным,
От жен уходил и детей,
Мол, что мне?! Да вот же нечаянно —
Церквушка.
И стал у дверей...

МОСКВА, МИМО ПУШКИНА

Здесь русский дух...

А. Пушкин

Сатанинский грай подземных переходов,
Ледяное наваждение скользких стен,
Словно реку переходишь вброд без брода
Перед бурей на неведомой версте.

Боже мой, куда зашли же мы, столица,
В эту яму кто загнал нас без кнута?!
Здесь не то что похмелиться и забыться —
Удаться не дадут за просто так!..

Красный свет по Красной площади кроваво
Растекается к подножью Ильича.
— Здравствуй, Кремль!
Оплот Отечества и слава?
Скоро, скоро разнесут — до кирпича.

И давно уже от духа здесь — ни духу,
Только так, расхожей нечисти душок:
О России в Белокаменной — ни слуху,
И сверлит слух пьяной нищенки басок.

Не к лицу тебе, столице белолицей,
Этот пьяный несусветный балаган,
Где Егорий твой с копьем и плащаницей? —
Расходился — не унимешь — хулиган.

Эх, Егорий, на Руси родимой горе,
Вопль — ни Бога, ни пророка не слышать.
То ли водки, то ли слез клокочет море,
Всё в таком разоре — спасу не видать.

Ну, а ты, Поэт, чего так смотришь скорбно,
Перед кем склонил главу и шляпу снял,
А не ты ли возносился непокорно? —
Вон уж — лезет ростовщик на пьедестал.

Мать честная, мать-Отчизна, где же выход,
И конец сему концу, в конце концов?!
Ох, ты, яма переходная «вход-выход» —
В голове гудит Садовое кольцо...

Мать честная, мать-Родина родная,
Не оставь, не кинь мя грешного, приди ж!
Позови! Кивни! В любой толпе узнаю!..
...А не ты ли там, нагая, голосишь?..

20 сентября 1993 г.

...и ушел, не понят и не принят,
А любил – аж прогорел дотла!
Вытряхнуть бы душу, да не вынуть —
Тяжела... Неужто там – зола?..

За душой – ни денег, ни угла...

Ни рубля в кармане! Боже правый,
Не оставь бродягу на углу...
Жил по сердцу, но без общих правил —
Ни хвалу не принял, ни хулу.

Отгорел – слепой – иду во мглу...

Юрию Савченко
На скамейке за полночь сижу —
Первые итоги подвожу.
Ни семьи, ни дома, ни друзей...
Выпил бы – не станет веселей.
Сам себе судья и прокурор,
Выношу суровый приговор.
Много пил, чудил и колесил,
Жил как жил – поблажки не просил.
В драку лез, в чужую лез постель,
Словно двери, душу рвал с петель.
И – один... Как на издохе зверь —
Сам себе не в радость я теперь.
Посмеялся б – не до куражу —
Первые итоги подвожу...
Вот подсел подельник – что гроза,
Змей зеленый, красные глаза.
Ну и шельма, беспощадный зверь!
Жены, дети... Где они теперь?!
Крутит задом баба (не слаба!),
Это – моя глупая судьба.
Нет сил, опять за ней бегу,
Оторваться, братцы, не могу.
Не могу, хоть знаю, видит Бог, —
Ох, печален, горек мой итог...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я поверю в чудо, я послушным буду,
Милая, прошло все, позабудь скорей.
Я в Христа поверю, в Магомета, в Будду.
Я пройду по небу и по дну морей.

В сердце моем глупом расцветали розы,

Душу выстилали чистые снега...
Что ж не отодрать мне тело от коросты,
Что же мысли где-то ниже каблука?

Вот тебе букет мой – вырывай из сердца
Розы, розы, розы – с мясом вырывай!
Пусть не ты сажала, но куда мне деться,
В гроб живому?! Что же – крышку забивай!..

Никому не верю – я родился зверем,
Сдуру стукну дверью! И пойду, пойду...
Голые деревья, фонари, и в сквере
На скамейке мокрой лягу-упаду.

Вот тебе и чудо. Сам ты, брат, паскуда,
Без надежды, веры, даже без креста.
Что там Магометы? Что твердишь про Будду?
Не такие разве предали Христа?..

Помнишь, перед строем целовал ты Знамя? —
Как дрожало сердце, кругом шла земля.
Милые, родные, да я с вами, с вами!..
Где моя отчизна?! Где моя семья?..

Мокрая скамейка. Голые деревья.
Фонари слепые. И слепая ночь.
Нет, я все ж надеюсь! И люблю! И верю!
Потому сегодня и ушел я прочь.

Вокзал. Незнакомый и мрачный.
И морок – когда же рассвет?!
Угрюмый поселок барачный.
Я не был здесь тысячу лет!
Да лучше б и не быть!.. Какая,
Какая беда занесла
Сюда, где речонка былая
Напомнит обломком весла,
Мол, были и годы покруче,
И знали мы всякий народ...
А нынче – лодчонка на круче,
Кружком ее – люди ли, сброд?
Орут, что-то истово делят,
Ну как же – закуску и спирт.
Уехать! Скорей! В самом деле,
Пока память давняя спит...

ПОПЫТКА АВТОПОРТРЕТА
(на пятом десятке)

Отцежу печаль души корявую
И спросонья влезу в сапоги.
Гой ты, дурь, подстегнутая славою,
Мне с тобою нынче не с руки.

Не с руки – не с той ноги поднялся я,
Не с руки – до ручки довела.
Молодость? И с нею распрощался я —
Отстираю душу добела...

Наизнанку выверну, продажную:
Э-хе-хе, да что же я творил?..
Вся она, как выдублена сажею,
Парил-драил – так и не отмыл.

Ну так что ж, браток, крути-сворачивай,
Никуда не денешься – живи.
С этакой измызганной, растраченной,
В ссадинах, блевотине, крови?..

С этакой измызганной, растраченной.
И давай зубами не скрипи,
А, какая есть, крути-сворачивай,
Тут, брат, не продать и не купить...

Глупая головушка, тщеславная,
Под глазами темные круги,
Руки задубелые, корявые,
Борода, фуфайка, сапоги...

Детство. Я отстал от мамы
И – бегу! А следом – страх.
Ободрался, ухнул в яму —
Привкус крови на губах...

Юность. Хмель ночных свиданий.
Что за тени на углах?
Пальцы шарят нож в кармане —
Привкус крови на губах...

Зрелость. Друг ушел с любимой,
Позвала тебя труба,
Спишь в обнимку с карабином —
Привкус крови на губах...

Стала женщина – женою.
Нелюбимой. Что ж, судьба.

Дверь закрыла за тобою —
Привкус крови на губах...

Но легка моя дорога —
Отряхну лишь пыль с горба!
Всех пожитков – боль, тревога —
Привкус крови на губах...

Приходил, а дверь не открывали.
Уходил – вздыхали тяжело вслед.
Только рельсы на мостах стонали
Да метался полуночный свет...

Где теперь ты, брат мой непутевый,
Друг сердечный, вечный рядовой,
Вон уж день зарей сияет новой —
Над твоей взошел он головой?..

Ах, как били нас!.. И как любили!..
Сколько женщин не сомкнули глаз...
Не от нас они детей родили,
Да и вряд ли вспоминают нас.

Шли по жизни – море по колено,
Горе – горше б не было беды.
Ну, а в жизни бrenно все и тленно,
Слишком больно падать с высоты.

Но в бессилье подломили крылья —
Бьется странный полуночный свет.
Приходили – двери не открыли,
А ушли – и потерялся след.

ИСХОД

П. К.

Серый свет одиночества. Полночь.
Городская слепая звезда.
Ничего, даже жизни не помню.
Не спешу – так давно опоздал.

Засвистеть от тоски и напиться?
Завалится в кусты за ларьком?!
Ходит важно с дубинкой столица,
Надурняк зарядясь коньяком.

Эх ты, шапка с орлом забубенным,
С грязной лычкой мятый погон,
Негодяй и прохвост откровенный,

Не сломаешь меня, дурагон!

Ничего-то не зная о жизни,
Что всё тычешь дубинкой в бока?
Разменяли державу-Отчизну
Три таких же, как ты, мудака...

Я уеду, уеду, довольно, —
Нахлебался, воротит нутро, —
Добровольно, мне, вольному, воля,
Вот откроется только метро.

А пока отойди, не мешайся
Ну страна, как начальник – дурак!
Отступил – взвыла драная шавка,
Развели тут б... да собак.

Чахнет свет, разливаясь по жилам,
Никуда неохота идти...
Жил ли?.. Жив ли?.. Отжил ли?..
Боже милостивый, прости.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Дверь открыл —
во все концы дорога!
Лишь поправил шапку, выходя.
Март. И лед гремит по водостокам,
В зелена слетясь, грачи галдят...

Ты куда?..
И золотобый жнивень
Выметал – из края в край – стога.
«Эко разгулялся нынче ливень...»
«Ну да что, брат, осень – хмарь да мга...»

Ты придешь?..
И дверь стучит во мраке,
Снег сечет, сметаясь на крыльце.
«Что-то нынче плакали собаки...»
«Это, брат, на том, чужом конце...»

Что за весь?..
Ни голоса, ни лая...
День ли, ночь?
Но этот дом узнал он!

Отворяй!..
И рухнули ворота,

Ни замка, ни двери – заходи!
Дом стоит – во все концы дорога.
Не войти, не отыскать пути...

И нет зимы. Прошла – как не бывала.
Весна, весна! И солнце по утрам!..
И жизнь опять – как будто бы сначала!
И все цветы, улыбки, песни – нам.

Весна, весна!.. Кому какое дело,
Кто там поет? Поет – и все равно!
И женщина, жена, помолодела —
Из солнца вся, – стоит, глядит в окно.

Весна, весна... И женщина, и песня,
И луч в окне, и солнце за окном,
И мир, и свет – они опять воскресли,
И потому еще мы – проживем!

Ведь этот свет – в глазах и в наших жилах,
И наши души – это тоже свет!..
И смотришь ты с улыбкой светлой, милой,
Распахивая окна мне в ответ.

Тихо на улице нашей,
Тихо и в доме моем.
Думу нелегкую пашем
В сердце избитом своем.

Мать – как она постарела!..
Да уж немолод и я...
Вечное русское дело —
Выведать суть бытия.

Вывернут душу – до донца!
И ничего не понять...
Скрипнет журавль у колодца,
Вскрикнет – куда улетать?

Что же мне тут не сидится?
Сколько ж бежать мне да ждать?!
Эх, деревянная птица,
Нам бы с тобой – полетать...

Бывает такое, бывает —
Старинный мой друг запивает

И с болью в душе запекает
О том, что его забывают.

Бывает такое, бывает...

Затянет, а я подпеваю,
В стаканы вино наливаю.
А мать головою качает,
В слезах вся, хоть нас понимает.

Затянет, а я подпеваю...

Где друг мой печальный, я знаю.
И вот уже – сам запиваю
С того, что там червь проживает
И вряд ли ему подпекает.

Где друг мой печальный, я знаю...

А я все живу-поживаю,
В стаканы вино наливаю,
И мать, вся в слезах, мне кивает,
И друга судьбу вспоминает.

А я все живу-поживаю...

А я все живу-попиваю...

Умывалась женщина в лесу,
Над ручьем, до пояса нагая.
И заря струилась по лицу,
Меж грудей в лесной ручей стекая.

День вставал, огромный, словно лес,
Лес, что голосами наполнялся.
И, звеня, летел в простор небес,
И на землю снова возвращался.

К женщине, глядевшей в ручей —
Как улыбка на лице сияла!
И потом, сверкая меж грудей,
В воду родниковую сбегала.

И казалось, не было беды,
И вовек уже не будет горя,
Лишь испей немного той воды —
Чистоты рассветной и простора.

Умывалась женщина в лесу,

Над ручьем, до пояса нагая.
И текла улыбка по лицу, —
Не она ли солнце зажигала?..

Лесостепь. По горизонту – горы.
Кедрача глухой, знобящий бред.
Мы вдвоем. И нам беда – не горе,
Да к тому же близко окон свет.
Тянет дымом, ах, как тянет дымом,
Пахнет человеческим жильем.
В этой жизни, горькой и любимой,
Слава Богу, не одни живем!
Нас напоят молоком и чаем,
Ради нас затопят в доме печь,
Искренне друзьями величают,
Предлагают на кровати лечь.
Ну, а мы постелемся у печки —
В изголовье на двоих седло.
Эх, Марина, друг ты мой сердечный,
Что ни говори, нам повезло!
Как нам спится, как нам снится
Светлая байкальская волна,
И в тумане розовая птица,
«Счастье» называется она.
Встанешь первой и прильнешь к оконцу:
Боже! – там, в светающей дали,
Над болотцем, в алом нимбе солнца,
Радостно танцуют журавли...
ВРЕМЯ ТЕРНОВНИКА
Зарядило с утра! С подоконника
Тихо капают слезы дождя.
Не горюй – это время терновника,
Соберем урожай погода.

Погодя, перед первой порошею,
А пока – всё дожди и дожди...
Не горюй, не печалься, хорошая,
Лучше в печке огонь разведи.

Это время терновника. Ягода
Вон уж светится, жжет, словно боль.
Знай, – к беде бы готовились загодя,
Да беда ли, родная, – любовь?..

Дай-ка плечи теплее укутаю.
Это – слезы. А были – дожди.
Я люблю и тебя, и тоску твою.
Ты пореже в окошко гляди.

Это осень. И время терновника.
Эта горечь – с горчинкою чай.
К окнам тянутся гроздья шиповника —
Мы еще соберем урожай!..

ПОКАЯНИЕ

У ног блудницы плачу и рыдаю,
Неужто же всему виной – вино?
Она молчит, растерянно кивая,
Она, которой, вроде, все равно.

Что бросило в объятья нас друг другу,
Похмелья горечь, лютая тоска?..
Как музыку ее, я слышу вьюгу, —
Гудит, как море, зимняя тайга.

Я знаю: это прихоть, блажь, гордыня.
Она в окошко смотрит, не дыша.
Там снег и снег, там мертвая пустыня,
Как ночь, темна, молчит ее душа.

Все кончилось: нет ни вина, ни хлеба.
Все кончено – ни страсти, ни любви.
И только ночь. И тьма. И тяжесть неба.
И холод, холод... В доме и в крови.

И на земле зима. Зима и холод.
И жизнь не жизнь – без Бога, без тепла.
Я молод был, я был бездумно молод.
Я все забыл. Я не забыл тебя.

Распутную. Беспутную. И все же —
Навеки боль, и память, и укор...
Я до сих пор стою на раздорожье.
Не плачу. Но все тот же. До сих пор.

У голубы глаза голубые,
Вороненные брови вразлет.
И к ногам ей летят мостовые,
И она – что голубки полет!

Да и выдалось утро на славу.
Что слова – вот бы вместе пойти...
И не важно – хоть слева, хоть справа,
Лишь бы только – навек по пути.

Распусти-ка свои золотые —
Я не видел богаче волос!..
Под тобою лежат мостовые,
Над тобой – полыхание гроз!..

Шел я, шел... И срывался, и падал.
И – прощай! – безнадежно отстал.
Но —спасибо! – Я шел с тобой рядом.
И о большем, поверь, не мечтал.

– Здравствуй, голубь желанный, почтовый! —
Я бежал, не таясь, на крыльцо.
И, бедовый, а думал, – фартовый,
Как, должно быть, сияло лицо...

Я конверт разрывал, торопился,
Я сгорал на знобящем огне,
Я читал твои долгие письма,
Твои вздорные письма ко мне...

Днем ходил, как больной, ну а ночью
Задыхался, метался, кричал:
Я бежал за тобой между строчек —
Догонял, обнимал, целовал...

Где ты? Где?! Под каким ходишь небом?..
Как я звал!.. Не откликнулась ты...
Да, я сжег твои письма. И пеплом
За тобою засыпал следы.

ДАВНЯЯ ПЕЧАЛЬ

Это осень перешла дорогу —
Распрощалась вольница со мной.
Словно на Голгофу – к Петергофу
Я тащусь, похмельный и чумной.

Дождь идет, играя фонарями,
Закружил округу листопад...
Будет свадьба – подавлюсь слезами,
Сам себе, дурак, уже не рад.

Ни разлука не спасет, ни водка,
Эта боль по самый гроб с тобой —
Милая, игривая походка —
Вышла боком первая любовь.

– Здравствуй!.. Заждались... Ну, слава Богу!
Поцелуя мертвая петля...

...К Петергофу, словно на Голгофу,
Катит поезд – кружится земля.

Да, любил я тебя, непутевую.
Что ж, посмейся вдогонку судьбе.
Тихо падают листья кленовые —
Осень волосы рвет на себе.

Были молоды – счастливы не были.
Огляделись: да вот оно, вот!..
Как мы ждали, как верили в небыли —
Не с того нынче желчью-то рвет...

Охолонь, остуди же головушку,
Не один ты такой, не один...
Клены cedят нам под ноги кровушку —
Осторожнее, слышишь, ходи.

И на все, на четыре все стороны
Отпускаю тебя, не кляня...
Да, любил. И люблю тебя, вздорную.
Ты ж вовек не полюбишь меня.

ПИСЬМО ВОСЛЕД

Мне уже лицо твое не снится,
Я давно забыл твои глаза.
Да, не спится. Было просто – спиться.
Выстояли в бурю паруса!

Уходил по брезжущему свету
За надежд призрачной вослед.
Таял свет. А я всё брел по свету.
И казался черным белый свет...

Что хранил, обузою вдруг стало.
Тяжелеет, леденя, кровь.
Но опять пришла и рядом встала,
Кандалами бряцающая, любовь.

Как похожа!.. Неужель проститься
С нею мне вовеки не судьба?!
Мне уже лицо твое не снится.
Только как, ну как забыть тебя?..

Солнце скрылось за большой горою,
Наше солнце – за чужой горой...

Ни веселья, ни тоски не скрою.
подавлюсь весельем и тоской.

С кем теперь ты, вдовья невеста,
Славная подруга давних лет?
Хорошо жилось нам, хоть и тесно
(Комнатушек тех давно уж нет)...

Как теперь ты, мать-одиночка,
Иль на все махнула: мать-растак?!
Как сынок наш? А моя-то дочка
Без меня (опять же) подросла...

Сколько намутил?.. Веков не хватит
Замолить мне мой беспутный путь.
Знаешь, вдруг накатит на закате —
Не всплакнуть, не вскрикнуть, не вздохнуть.

Умереть – согласишься ли? – не страшно,
Страшно жить, когда растет, как горб,
Груз ошибок и обид вчерашних —
Столько их, что не поднимут гроб.

Постарел – пою уже с надрывом,
Пью – с безумной и глухой тоской.
Наше солнце – встало над обрывом,
И пропало – за чужой горой...

Пролетели гуси – грустно прокричали,
Полетели следом пышные снега.
Утолил я голод – избыл печали,
И – что кол осинов – на сердце тоска.

Выйду за ворота – никого в округе,
Жметесь вы бездомный: «Здравствуй, дорогой!».
Я и сам извелся – рад последней суке:
«заходи, гулена, посиди со мной...».

Посиди да выпей – нечего терять нам,
Скидывай одежки – печка горяча.
Эх, вдвоем оно-то мягче и в кровати,
Ну, а гостя греет – лучше первача!..

Что за свет, за гомон?.. Это плачут гуси,
Это ночь роняет чистые снега.
И одно лишь страшно: поутру проснусь я —
Никого в округе, на душе – тоска...

– Погоди!..
...В ответ рукой помашешь.
Сядешь в поезд – дальше от беды!
Сажа будней наглухо замажет
Наших встреч неверные следы.

Не напишешь.
Ну и Бог с тобою,
Стороною обойду вокзал —
Там все так же ходит тот же поезд
И сквозят с небес твои глаза.

Вот и все...
И снег летит, как пепл
Нами позабытого костра.
У огня чужого не заметил,
Как душа обуглилась до тла.

Он умирал. И снилось ему поле.
Дорога... У обочин – облака.
И за дорогой – через поле – поезд.
И женщина бежит издалека.

Бежит и машет трепетно рукою.
И, падая в траву, встает опять.
И между ними – поле, длинный поезд,
И тень от облаков растет, растет.

Все шире тень. И даль – как будто в саже,
И поезду скончанья не видать.
А девушка бежит! И машет, машет...
Бежит. И все не может добежать...

У моей печали – ни моста, ни брода.
У моей кручины – ночь без берегов...
Эх ты, путь-дорога, – прямо за ворота!
Вышел, будто канул. И бывал таков.

Снится дом на круче. В доме – молодича.
Пригляделся: братцы, да никак – жена!
Я к ней было с ходу – дыбом половицы,
Кулаками машет – ожила! – стена...

Я и так, и этак. Слышу: квохчет теща,
Зелена, и космы – с головы до пят.
Я и год забыл тот, только знаю точно:

Не один над нею плакал листопад...

А жена-то, женка, женушка родная
(Нет, уже другому... Радуйся, стервец!)
Тянет, тянет руки, сладко так вздыхая,
Ну, чего ты, тут я, встань же, наконец...

Ничего не видно: ни моста, ни брода.
Никого не слышно: ночь без берегов...
У моей кручины – заперты ворота.
У моей печали – двери на засов.

Сыплет снег. И ветер, ветер, ветер.
Словно в преисподней кутерьма.
Ни весны, ни лета не заметил,
Оглянулся: Боже мой, зима!
Хвост поджав, сидят в снегу дома.
И кругом такая заваруха,
Как осатанев, бежит народ!..
То пустырь, то свалка, то проруха,
Будто разрешился черт – разброд.
И метет, метет... Где ночь? Где утро?
Не поймешь: да впрямь ты на земле?..
Свист и вой такой стоит, как будто
Пролетел ведьмак на помеле.
Снег и ветер. Снежень на земле...
На дворе декабрь. И холод, холод,
Бель такая, что черно в глазах.
В снег, как в шубу, залезает город
И стоит, ссутулившись, впотьмах.
Непонятный страх... И снег, и ветер.
Словно провалились в ночь дома.
Был и май, и лето... Не заметил.
Огляделся – лютая зима...
Не сойти бы, Господи, с ума.

ДНО

На станции Дно под Псковом
9 марта (по ст. стилю) 1917 г.
Царь Николай II отрекся от престола.
Ранний март. И скорбно гнутся крыши.
Полдень, только солнца не видать.
Что с одышкой тяжкой, батя, дышишь? —
До весны уже рукой подать.

Вот и март. И голубь холку мылит.
Сушит небо рваное рядом.

Две недели ехали-пылили,
Выметайся, прикатили: Дно!

Что за дно? Ни дна, брат, ни покрышки.
Все допито-выпито до дна...
На юру – сторожевые вышки,
Затаилась глухо тишина.

Вот так март... Мороз под шкуру лезет,
Цельсий полетел к чертям на дно!
Заходи – буфет стакан отвесит,
И давай – до дна за град сей, Дно.

Ну, а город, темный, как буфетчик
(Эх, чего не встретишь на Руси...),
Ну да каждый сам себе ответчик,
Ты, носатый, око не коси...

И опять, опять свистят посадку,
Раздувает ноздри тепловоз.
Хорошо бы, батя, для порядку —
Что-нибудь для смазки бы колес.

А буфетчик нос кривой воротит:
Не таких ломали тут... Но-но!!
Где ж ты, голубь?! Грязные вороны
Запятнали напрочь наше дно...

Откатились окна, крыши, вышки,
Покатилась в поле тишина...
Вот так Дно... Ни дна, брат, ни покрышки.
И никак не выбраться со дна...

Расстаюсь под небом твоим, Север.
Обреченный на любовь и грусть.
И дорогой брэнною кочевий
За надеждой призрачной тащусь.

Загремит железо под ногами,
Тяжкое, как водка натошак.
Соль дороги, с песней, матюгами,
Запечется кровью на губах.

Где ты, счастье? Пьяная русалка,
Сука ненаглядная, вернись!
Мне себя нисколечко не жалко,
Забирай оставшуюся жизнь...

Что ж ты, счастье, жгло и обвивало,
Чтобы так вот бросить навсегда?..
Потянулись мрачные вокзалы,
Полустанки, веси, города...

И, поди, ты тут не растеряйся,
В колготне себя не потеряй,
Где приют пленительного счастья —
На ночь – кем-то брошенный сарай.

Вот и все, что от тебя осталось,
Да колючей памяти укор.
Ну, а что потом со мною стало —
Это уж отдельный рахговор...

...И от любовницы под утро уходил
На поезд – через кладбище – так ближе.
Туман литовский сказочно парил,
И плыл костел, вздымаясь кровлей рыжей.

Кресты да склепы, склепы да кресты,
Невидные, во сне ворчат вороны...
И призрак смерти, призрак темноты,
И ты, с душой, как правда, обнаженной.

И забывались женщина, любовь,
И даже жизнь, и ты в сей жизни брэнной!
И мысль, что ЭТО будет и с тобой,
Входила в сердце думой сокровенной.

И что там страсть и страх? Я в небе был,
Я зреньем уходил все глубже в землю:
Один – не одинок среди могил,
Когда не только этой жизни внемлешь.

Но вот ворота. И – иная жизнь,
Вокзал сияет светом дня и ночи.
И люди, люди... И о смерти мысль
Куда-то отступала между прочим.

ВОЛКИ

За волчицей раненой по снегу,
По сырому следу, в черный лог,
Уходил – подобный человеку,
Воротился – плюнул в потолок.

И на все плеча махнул рукою:
Эх-ма, мать-сука, не реви!

Надоело шляться над рекою,
Захотелось каши на крови.

Где ты, батька грозный, город Грозный?
Мне бы – в войско к грозному царю...
И упер глазищи в небо грозно,
Хвать берданку: «Всех приговорю!»

– Ты куда, сынок?..
– Прощай, мамаша,
В жилах кровь – что на огне смола!
Что там пашня-квашня, если каша
Пожирнее маслица взошла...

И пошел – в пылище сапожищи,
Топнул – гору раздавил, как вошь!
И ушел – вослед кровиче свищет:
«Кто там воет?! – Завтра подотрешь...»

...Где ты, Ванька, дурачок сельповский,
По следам твоим гуляет смерть.
А твоих любовниц недоноски
Нынче кровь перегоняют в нефть.

И куда ни глянешь – харя волка,
И такой стоит в эфире вой!..
Ложку взял, поднес ко рту – винтовка!
И с экрана скалит морду – волк!

Люди-звери, волки-человеки,
Ни следа не видно, ни звезды...
И повсюду – снег, и в диком снеге —
Черный крест, кровавые следы.

Не учил – рубцом кровавым твердо
По судьбе прошел закон разлук.
Смолоду и честь губил, и гордость,
Молодость давно пустил из рук.

Никого собой не беспокою,
Все узлы и связки разрубил.
Что же это там еще за поезд?!
Я свое давно отколесил...

Не пишу. И мне уже не пишут.
И душа – как обгоревший храм.
Но ворвался, будто гром под крышу,
В сердце стиль железный телеграмм:

«Извини проездом поезд время»...
Боже мой, да кто же это, кто?..
Вера... Вера?.. На шабаш безверья?!
Дверь на ключ. И на запор окно.

Что за Вера? Никому не верю!
Не надеюсь!.. Не люблю!.. Не жду!..
Но под утро – молча настезь двери,
И на зов, как битый пес, иду...

РЕКВИЕМ НЕГОДЯЮ

Ткется жизни суровая нить —
Не подправить след, не изменить.

То-то сладко елось и спалось,
Да за все сполна платить пришлось.

За постель с чужой женой и ложь,
За кусок ворованный и грош;

За навет на друга, лезть и зло...
Ничего бесследно не прошло.

Слезы. Речи. Трубы. Ордена.
Потирает руки сатана...

...и не будет тебе покоя!
Будешь голоден, гол как сокол,
И куда б ни пристал, ни пошел, —
Тенью беса – беда за тобою.

Ну, а встретишь участие людское,
Сытый, в новые влезешь порты,
Не заметишь, как влюбишься ты,
И подавишься новой мечтою.

Счастлив будешь с женой олодою,
Знаменит станешь, даже богат,
Но чужим вдруг окажется брат,
Да и сын не поладит с тобою...

Ты и сам не поладишь с собою!
И не станет ни сна, ни рожна,
И жена – не жена, а мошна,
Что капкан, схватит хваткой стальнойю.
Оглянешься – лишь тьма за тобою,
Суета, маета, пустота...

Ни черта! – Роковая черта.
И не будет тебе покоя...

ПОХМЕЛЬЕ

Сколько наврано, накручено...
Мир у беса на хвосте!
Рыщем, ищем долю лучшую,
Поиссохли от страстей.

Где она, река молочная?
Хоть бы кружку, хоть глоток...
Боль-кручина полуночная,
Не сприсясь, легла у ног.

Ох, гудит-болит головушка...
Что там булькает на дне?..
Эх ты, женушка-бедовушка,
Знамо, истина – в вине.

Пей же, пей, душа бредовая!
Горечь-дума – через край.
Голова твоя садовая,
Вот и вызрел урожай.

Никого... Тоска полынная.
Стул. И стол. Пустой стакан.
Боль-кручина беспричинная —
Щелкнул наглухо капкан...

КОРОБЕЙНИКИ

В чистом поле – скорый поезд.
Вдоль дороги – воронье.
Не смотри за штору, Поля,
Сердце нежное мое...

Как мы жили – всё рядили,
Всё считали да скубли.
Об одном лишь позабыли:
Ох, прилипчивы рубли...

– Ты об чем, твердишь, забыли?!
– Поля, Поля, о любви...

Поля, Поля, в чистом поле
Тризну правит воронье.
Мчится поезд, скорый поезд —
Горе горькое мое...

Потеряюсь в полях одиночества
На сквозных, на полынных ветрах.
Ни любви, ни приюта, ни отчества,
Только памяти пепел в горстях.

До свиданья! Прощайте, залетные,
Душу гревшие ложью мечты.
За одно уж спасибо вам, родные:
До нужды довели – не тщеты...

Слава Богу, сбылось, что пророчили,
От вина до фатальной вины:
Не дождешься улыбки от дочери,
Что ж тогда ожидать от жены?..

До свиданья. Прощайте, родимые.
Хорошо, как у Бога в гостях!
Ни-кого!.. Только ветры полынные,
Только памяти пепел в горстях...

Что сказать? Один, как перед Богом,
Ты идешь по кладбищу. Зима.
Вот она, венчальная дорога.
Ты ее, как хочешь, принимай.

Праздничную – со снежком на плитах,
Скорбную – в согнувшихся крестах.
Всё-то ей, заснеженной, открыто.
Всё на ней, спокойной, суета...

Некурящий, здесь и закурил бы.
Снег смахнешь – захочешь вдруг присесть.
И, непримиримый, всех простил бы,
Да и сам прощенья хочешь здесь.

Оглянешься: где же, где начало?!
И не здесь, у этих плит, конец...
На кресте ворона прокричала,
Как из тех, незнанных мест гонец.

Эх, дороги мои да пути-перепутья,
Там тюрьма, там сума – как не спятил с ума?
Не боялся ни зги, что ж теперь перепуган,
Коли выбор один: не тюрьма – так сума...

Был вокзал и базар. И при этом – зарплата.

Отлетели года, прошуршав, как рубли.
Эта свалка труда, этот праздник разврата —
На помойке лежат серп и молот мои.

Ты прости меня, жизнь, дорогая подруга,
Мать-Отчизна моя и товарищ устав, —
Ни шиша, лишь душа, как продажная сука,
Ох, намаялся с ней, от надежды устав.

То-то торба с крюка распустила веревку —
Хоть носись. Хоть давись – путь один и итог.
Эх ты, батюшкин дом, вышел вон втихомолку —
И, поди разберись, кто тушил, кто поджег...

Всё сгорело дотла, лишь осталась дорога:
Что назад, что вперед – на погост приведет.
Кто там в спину глядит?! Не смотри, ради Бога!
Эх ты, Родина-мать, – ни назад, ни вперед.

НОЧЬ НАКАНУНЕ ХХІ СТОЛЕТИЯ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ПИНСКА

Не помню, что было. Не знаю, что будет.
Не все ли равно!
Как просто теряю... Какие-то люди
Стучатся в окно.

Ну, что вы гремите? Тут все нараспашку.
Валяйте к столу!
Коль надо – сниму и штаны и рубашку
За так, за хулу.

Здесь рыцари были. И женщины были.
А толку? – скажи.
И ели, и пили. И пели, и выли.
И вот – ни души.

Поэты, бродяги, барыги, блудницы —
Припомнишь ли всех...
Потек потолок, и гниют половицы,
Кончается век.

И нечего вспомнить. А было ли, было?..
И некого ждать.
Какие-то хари, какие-то рыла,
Да мать-перемать.

А темень глухая, а ночка такая —
Не смежит черт век.

Не видно, пропала халупа слепая,
И ты, и твой век.

Не помню, что было. Не знаю, что будет.
Не все ли равно!
Как просто теряю... Какие-то люди
Стучатся в окно...

Понять, принять и полюбить,
В себе самом открыть другого.
И дальше жить. Всего лишь – жить,
Чтоб слово – дело, дело – слово.

Детей родить и сад растить,
И ошибаться-ушибаться...
Да просто жить! Всего лишь – жить,
От боли плакать и смеяться.

А завтра день, как мир, открыть,
Увидеть: вот, бежит дорога!..
И снова жить. Всего лишь – жить,
Не отвернуть лица от Бога.

«Я из тех...» 2012

Я из тех, кто сеял ветер – славный урожай!
Как поспел, – и не заметил, – только пожинай...

Вот так пожил, вот так нажил – стягивай узлы.
Пожни, пожни... пашни, пашни... Подметай углы.

Стукну дверью – клубы пыли, сполохи огня.
Вроде люди проходили, – волки встречь меня...

В голом поле, в диком поле – плачь, хоть завывай, —
Волки воют, буря воеет, – что ж, брат, пожинай.

МЕЖДУ СМОЛЕНСКОМ И ОРШЕЙ
Распятье. Росстань. Август. Порубежье.
В распадках притаился листопад.
Но по утрам такая росность, свежесть. —
Не утерпел – к дороге вышел сад.

С антоновкой – ну что ему граница?!
С малиновкой – кто б ни был, хороша!..
И здесь, и там – до хруста – сладко спится,
Когда светла, как этот сад, душа.

А кочет – во весь дух! – там, за кордоном,
И залились в округе петухи!..
И струйкой к небу, и от дома к дому,
Не ведая границ, пошли дымки.

Тут все давным-давно вражды не знает.
Граница. Сад. Спаситель на кресте.
Объединяют нас?.. Разъединяют?..
А вот и солнце! Всем. Одно. Везде.

В деревне Колбы наПинском Полесье растет могучий дуб.
Под ним в дни прохождения воинской службы (1916 – 1917гг.)
любил сидеть Александр Блок. Сохранилась в деревне и капличка
+,
что поэт срисовал в свой альбом.
Взлетают в небо аисты высоко.
Отходит лето – скоро птицам в путь.
Сорвется ветер – зазвенит осока,
И пруд запорошит гусиный пух.
Свернет, пыля, автобус на проселок —

Мелькнет в низине стайка серых крыш.
И распахнется в зелени веселой
Село под сенью аистиных крыл.
Стога. Забор. Поленницы. Деревья.
Капличка светлоликая в саду.
Полесье. И – деревня как деревня.
Да вот – капличка. И на взгорке – дуб.
Ах, этот дуб, запутавшийся в небе!
Не знать нам дум, что зреют в желудях.
О доблестях, о родине, о хлебе?..
Где суть искать нам – в кроне ли, в корнях?..
К тебе ведет дорога?.. От тебя ли?..
Но нет конца ей – только синь вдали!..
Не счесть вовек того, что потеряли,
Как и того, что мы на ней нашли...

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА

Мороз под Рождество. Горчит беда
И на губах сухих полынью расцветает.
И в лед небес полночная звезда,
Взойдя, вмерзает...

Засяду за письмо. Привет, привет!
Ни слова от тебя! Ни голоса, ни вздоха...
Конец? В лед превратился снег. И в белый свет
Уперся посох...

Возьми вино и хлеб. И горсть земли.
И память. И любовь. Тепло родного крова.
Не встретишь никого? – Уже прошли.
Не жди другого...

Туда, туда!.. На свет, на зов звезды,
На крик беды, что в черной вечности летает,
Иди, иди! Умрешь в дороге ты? —
Душа отгадет...

БЕЛОРУССКИЙ ШЛЯХ

Судьбы нам, край мой, не придумывать,
Хлебнули горюшка сполна:
От Куликова и до Грюнвальда,
От Ворсклы до Бородина.

Трепали рваные знамена
Польных росстаней ветра.
Катились желтые, зеленые —
Гремело пьяное «ура!».

У славы есть примета страшная,

Где больше лиха – там она!
Рубились белые и красные —
Хлестала кровушка, черна.

У «всходних крессов» на завалинке
Колхозный нюхали пирог.
Пилсудский шел – в Кремле у Сталина
Скрипел затравленно порог.

Ты в их игре, как туз к десятке.
И шла игра за кругом круг.
Вмешался третий на раскладке
С кровавой хваткой грязных рук.

И запылится шлях кандальный
От нив родимых и болот
До горьких копей Магадана,
За Бухенвальдский поворот.

Напрасно тешились: Берлином
Закончен шлях твой роковой.
Но перед кем и в чем повинна —
Вдруг вспыхнул атом над тобой?..

Я многоточья ставлю точку,
Я вовсе не хочу гадать,
Себя не жаль – мне жалко дочку:
Ну, скольким здесь еще страдать?!

Мы не горды, скорей, обратно.
Не потому ль не сбросим пут?
И вспоминая путь твой ратный,
Горды за этот страшный путь.

Но дай нам Бог не возгордиться,
Чтоб впопыхах не растерять
Тот свет, что в знамя воплотился, —
Ему в столетиях сиять.

Откуда эта грусть и боль такая,
Как будто ты уже ступил на край
И под ногой песок шуршит, стекая...
Уйди скорей и душу не терзай.

Ну что там увидел – не увидел?
И что же ты увидеть хочешь там?..
Ослеп Гомер, изгоем стал Овидий,
И Данта тень все бродит по кругам...

Угомонись, забудь дорогу эту,
В кабак иди, на рынок, в Божий храм,
Но не ищи разгадок тьме и свету,
Тем более – тому... Се – не по нам.

Да, не по нам. Но ты стоишь у края,
Закатный пламень на челе горит.
И все глядишь. И боль в глазах такая,
Что даже ТАМ навряд ли отболит...

РОЖДЕСТВО У МАМЫ

Не белоручка – белоруска,
Ты почернела от беды.
Но все ж – достало лебеды,
С того и радость песни грустной.

Опять зима. И вперемешку
Со снегом дождь. Как будто смех
Сквозь боль и слезы. Дождь и снег.
И жизнь осталась где-то между.

Как небо черное – в деревьях,
Как смех – в слезах и в счастье – боль.
Но чистой ты несла любовь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.